

Департамент образования и молодёжной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»

С. А. Попова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА МАНСИ

ЮгРАФИКА
ТИПОГРАФИЯ • ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ханты-Мансийск, 2013

УДК 398(571.122);39
ББК 82.3(2Рос=Манс)+63.529(253.3)
П 58

ISBN 978-5-905751-36-3

Рецензент: **Молданова Татьяна Александровна,**
кандидат исторических наук

Попова, С. А.

П 58 Этническая история и мифологическая картина мира манси /
С. А. Попова. – Ханты-Мансийск : Изд-во Юграфика, 2013. – 86 с.

В публикуемом издании излагаются вопросы истории манси в разных её аспектах: как велось их изучение представителями разных гуманитарных наук; каковы основные этапы формирования и дальнейшего развития народа – вплоть до современности; как представляли себе манси происхождение земли, богов и духов, картину окружающего пространства, сущность человека.

Материалы лекций предназначены для студентов и учащихся учебных заведений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, для средств массовой информации и всех интересующихся традиционной культурой народов округа.

Рекомендовано к публикации методической комиссией БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

В оформлении обложки использовано свободно распространяемое в сети Интернет изображение.

УДК 398(571.122);39
ББК 82.3(2Рос=Манс)+63.529(253.3)
ISBN 978-5-905751-36-3

© БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 2013
© Попова С. А., 2013
© ООО Издательство Юграфика, издание, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Лекция 1. История изучения манси	8
Лекция 2. Древняя история региона, угров и народа манси.....	17
Лекция 3. Железный век и средневековье. «Богатырская эпоха» в истории манси	30
Лекция 4. Расселение и этнокультурные связи манси	38
Лекция 5. Картина мира. Боги, духи.....	55
Лекция 6. Жизненное пространство людей	67
Лекция 7. Представления о сущности человека	73
Литература	79

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время для многих северных этносов остро стоят вопросы сохранения и возрождения традиционной культуры, формирования этнической идентичности. В этом контексте актуальным представляется выявление особенностей хозяйственной деятельности и связанных с ней знаний и верований каждого северного народа. Задача настоящих лекций – ознакомить с историей и культурой одного из малочисленных народов Севера – манси, а также с историей их изучения. При этом основное внимание уделяется материалам по этногенезу, истории и мировоззрению манси.

Официальное название манси появилось в советское время – до 30-х годов XX века, манси именовались вогулами. Под этим названием (а также вогуличи, гогуличи) они известны в русских документах с XIV века, вогулами они значатся и в ясачных книгах XVI–XVII веков, также, вплоть до XVI века, в разных источниках их причисляли к народу, называемому югрой (юра, югричи, угры). В настоящее время вместе с близкородственным народом – ханты – манси составляют этнокультурную общность – обские угры.

Предлагаемые лекции в значительной мере подготовлены на основе трудов известных специалистов по истории и культуре обских угров, широко привлекаются и собственные исследования автора. В курс лекций включены материалы из подробных исторических очерков археологов (С. Ф. Кокшарова, А. П. Зыкова, В. М. Морозова, С. Г. Пархимовича), собраны воедино сведения отечественных этнографов, фольклористов, лингвистов (В. Н. Чернецова, З. П. Соколовой, Н. В. Лукиной, И. Н. Гемуева, А. М. Сагалаева, А. В. Бауло, А. В. Головнёва, Е. Г. Фёдоровой, Н. И. Новиковой, Е. И. Ромбандеевой, К. В. Афанасьевой) и зарубежных учёных (К. Ф. Карьялайнена, Б. Мункачи, Й. Папай, А. Каннисто). Это позволяет раскрыть историю древнего народа и его культурное наследие, а также помочь избежать некоторых ошибочных утверждений, происходящих от незнания или недостаточности сведений.

Для освещения истории народов Западной Сибири, особенно на ранних её этапах, источниковая база пока ещё недостаточ-

на, и говорить о соответствии региональных археологических культур конкретным этносам довольно сложно. Тем не менее, археологи уже могут делать выводы, касающиеся этнической принадлежности культур раннего железного века – средневековья. Так, например, рёлкинская культура VI–IX веков в Томско-Нарымском Приобье связывается с предками селькупов; потчевашская в Среднем Прииртышье и Барабе – с предками южных хантов; оронтурская и кинтусовская в Среднем и Нижнем Приобье – с предками северных хантов; молчановская и юдинская в Среднем Зауралье – с предками манси. В основном же, авторы исследований опираются на понятие культурно-исторических общностей, не членимых на отдельные региональные культуры. Общности занимают огромное пространство и характеризуются сходными явлениями в культуре, обусловленными общим типом хозяйства и общей средой обитания. В их рамках могут сосуществовать предки разных этносов, окончательное выделение которых происходило уже в историческое время.

Концепция «картины мира» была сформулирована Р. Редфилдом и ассоциируется, прежде всего, с его именем. По его определению, «картина мира» – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире. Р. Редфилд утверждает, что не существует единой общенациональной «картины мира», соответственно и традиции («картины мира») разных общин – различны. По определению, данному уже в 70-е годы XX века К. Гирцем, «картина мира» представляет собой присущую носителю данной культуры «картину того, как существуют вещи, <...> его концепцию природы, себя и общества». Концепция «картины мира» предполагает, прежде всего, когнитивное (познаваемое) содержание – информацию о способе познания людьми окружающего мира. Предлагаемый курс лекций направлен на формирование представлений о системе традиционных знаний, понимания основ мифологического мировоззрения, характерной для духовного наследия, конкретно, народа манси.

Представленная в издании библиография не является исчерпывающей и включает наиболее доступные для пользования источники.

Материалы лекций предназначены для использования при организации аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов высших и средних учебных заведений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; в качестве дополнительного материала для учащихся старших классов, изучающих школьный предмет «История Югры: с древности до наших дней». Лекционный материал может быть полезен для СМИ в видео и телепередачах, а также для лекторов публичных лекций.

ЛЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАНСИ

Первые упоминания о вогулах (манси) относятся к концу XIV века (1396–1397). Они содержатся в сочинённом Епифанием Премудрым произведении «Житие Стефана Пермского». Правда, описание это касается, в основном, зырян, но там впервые упоминается вогульский дух, названный «золотой бабой». Этот дух является главным объектом некоторых более поздних географических описаний, а именно: польского врача Матиаса из Михова (1517), немца Себастьяна Мюнстера (1544), австрийца Зигмунда Герберштейна (1549), веронезца Алессандро Гуагниниона (1578), и шведа Петруса Петрелиуса (1615). «Золотая баба» нашла место даже на географических картах тех времён, а именно: у данцигца Антона Вида (около 1540 года), вышеназванного Герберштейна (1549), англичанина Энтони Дженкинсона (1562), немца Герхарда Меркатора (1569), уже упомянутого Гуагниниона (1578) и Корнелиуса де Йоде (1593). В основу этих изображений положены сведения, полученные прямо или косвенно из устных сообщений русских, частично и из письменных источников. На эти же источники опирался голландец Н. Витсен, чьё известное произведение «Noorden Oost Tartarye» (1672) содержит много данных о народах Северной Тартарии. В отличие от выше-названных авторов Витсен в своих материалах стремится исключить сказочные и фантастические дополнения.

Отрывочные сведения о расселении, занятиях, верованиях вогулов-манси включались в русские летописи, карты, грамоты, челобитные и другие документы, использовавшиеся позднее исследователями в качестве источников. На протяжении практически всей истории изучения этого народа в публикациях, будь то заметки путешественников или же работа профессионального этнографа, очень часто вместе с вогулами рассматриваются и остяки-ханты – близкородственный народ и непосредственные соседи вогулов.

Первая работа монографического характера была написана по материалам, собранным в начале XVIII века. Она принадлежит перу сосланного в Сибирь выходца из украинской знати Григория

Новицкого «Краткое описание о народе остяцком» (1715), который в составе миссии митрополита Филофея Лещинского участвовал в крещении остяков и вогулов. Свои наблюдения над жизнью, преимущественно, южных групп этих народов, их занятиями, обычаями, верованиями, обрядами он изложил в рукописи, которая впервые была опубликована лишь в 1844 году. Позднее многие использовали её в качестве источника.

Далее, в связи с реформаторской деятельностью российского правительства, появилась необходимость в планомерном, целенаправленном сборе сведений о народах, населяющих восточные провинции Российского государства. В процессе сбора такой информации и её обработки большую роль сыграли ученые, работавшие в основанной в 1725 году Российской Академии наук. Первой из крупных экспедиций, организованных Академией наук, была так называемая Великая северная экспедиция. Отрядом, изучавшим коренное население Сибири, руководил историк Г.-Ф. Миллер, собравший за время своего пребывания в Сибири (1733–1743) много исторических и этнографических сведений. Одна из самых больших его заслуг заключается в том, что он обследовал архивы всех сибирских городов и приказал снять копии с наиболее важных документов, в результате чего их удалось сохранить для истории, так как многие подлинники за прошедшее с тех пор время погибли. На базе собранных материалов Г.-Ф. Миллер написал серьёзную научную работу «История Сибири» (1937, 1941).

Ко второй половине XVIII века относятся поездки в Сибирь П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги, стоявших во главе отрядов «физической» («академической») экспедиции, длившейся в общей сложности шесть лет (1768–1774). Несмотря на то, что основные интересы участников этой экспедиции лежали в другой области, их этнографические наблюдения составили важную часть собранных ими материалов. В сочинении П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (1786) приводятся сведения об охоте, жилище, пище, средствах передвижения, одежде, верованиях и обрядах, социальной организации верхотурских манси. В 1776 году выходит том сводной работы о различных народах России, в кото-

рый были включены материалы и о манси. Это работа И. Г. Георги, составленная на основе его собственных наблюдений, в значительной степени дополненных материалами имевшихся в то время источников, в том числе и опубликованных. В ней он рассматривает вопросы происхождения и родственных связей сибирских аборигенов, приводит много конкретных этнографических данных. В 1814 году была опубликована работа участника той же экспедиции И. И. Лепехина, в которую включены материалы по южным манси, их занятиям, жилищу, социальной организации, верованиям, народной медицине.

Из работ, вышедших в свет в XVIII веке, следует отметить публикацию П. Любарских (1792), посвященную небольшой группе чердынских манси. В ней приводятся очень подробные сведения об их расселении и численности, занятиям, жилищу, одежде, пище, религиозным представлениям.

Новый этап развития русской этнографической науки начался с 1845 года, когда было создано Русское Географическое общество (РГО). В его состав входило и отделение этнографии. К сбору этнографического материала привлекались не только учёные, но и местные краеведы-любители, писатели, интересующиеся жизнью и бытом народов России. Материалы, поступавшие в РГО, публиковались в специальных сериях: «Этнографические сборники», «Записки ИРГО», «Вестник ИРГО», «Известия ИРГО». В этих изданиях печатаются статьи С. Мельникова (1852) о берёзовских вогулах, иеромонаха Макария (1853), М. Ковальского (1853), Н. И. Кузнецова (1888) – об уральских вогулах. Публикации по этнографии манси появляются и в других изданиях, например, работа И. Г. Остроумова (1904), а также в статистических справочниках.

В последней трети XIX – начале XX века публикации отечественных авторов по этнографии манси отличаются разнообразием жанров. Помимо чисто описательных работ всё чаще появляются и такие, в которых делаются попытки анализа материала, ставятся вопросы о происхождении манси. Так, Н. Малиев (1872) и Н. В. Сорокин (1873) рассматривали изменения культуры манси под влиянием русских. Л. Х. Симонова (1883) указала на сходство вогулов с татарами по некоторым элемен-

там культуры, в частности, по одежде. Н. В. Сорокин привел данные о социальной организации и верованиях, а Н. Малиев – о численности и расселении вогулов. Публикация данных о численности и расселении коренного населения, относящихся к начальному периоду русской колонизации Западной Сибири, была осуществлена П. И. Бучинским (1889), который использовал архивные материалы. Этот автор уделял также внимание особенностям культуры коренного населения и проблемам, связанным с его крещением (1893).

Через несколько лет после выхода работ П. И. Бучинского была проведена первая всеобщая перепись населения (1897). Обработкой её материалов, касающихся народов Сибири, с последующей публикацией (1912) занимался С. К. Патканов, состоявший на службе в Центральном Статистическом Комитете МВД.

Продолжали выходить в свет работы, посвящённые отдельным группам манси. В частности, П. П. Инфантьев опубликовал (1898, 1909, 1910) материалы, собранные им во время поездки на Конду, снабдив их фотографиями. Об этой же группе манси говорится в работе Л. Р. Шульца, вышедшей позднее, в 1926 году. Работа И. Н. Глушкова (1900), рассказывающая о небольшой группе чердынских вогулов, содержит подробную информацию об их культуре, анализ терминологии. Автор сделал попытку проследить пути формирования отдельных элементов культуры, в частности, охотничьей накидки «лузан».

Для развития края, изучения его населения много сделал уральский писатель-краевед К. Д. Носилов. В его работах, посвящённых манси, большое внимание уделено религиозным представлениям, обрядам, имеются сведения о занятиях, транспортных средствах, одежде, пище, социальной организации. Большую ценность представляют его литературные работы.

В начале XX века свой вклад в изучение угорских народов внёс тобольский краевед А. А. Дунин-Горкавич. С 1890 по 1904 год он возглавлял самое крупное лесничество в стране – Самаровское Тобольской губернии. объездив, в силу профессиональной необходимости, весь Тобольский Север, А. А. Дунин-Горкавич создал подробнейшее географо-статистическое его описание. Свои наблюдения он дополнил сведениями из литера-

турных и архивных источников. А. А. Дунин-Горкавич – известный в нашем округе учёный. Его работу можно охарактеризовать как наиболее значимую для своего периода в плане отражения информации о хозяйственных занятиях коренного населения края – хантов, манси, ненцев. Она включает в себя также сведения о материальной и духовной культуре этих народов. А. А. Дунин-Горкавич вёл и большую собирательскую работу для этнографических музеев России. В 1909 году он был избран членом-корреспондентом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук, а в 1926 году постановлением президиума Академии наук СССР зачислен в категорию учёных всесоюзного значения.

Большой вклад в изучение культуры обских угров в этот период внесли венгерские и финские исследователи. Они продолжили дело своих предшественников, начавших работу среди родственных им народов ещё в 1840-е годы. Тогда венгр А. Регули собирал фольклор, материалы по верованиям и обрядам манси. В конце 1850-х – 1880-е годы ряд экспедиций в Западную Сибирь совершил финский исследователь А. Алквист, акцентировавший своё внимание на изучении языка аборигенов, но оставивший также и этнографические сочинения, в которых немало внимания уделено культуре разных групп манси. В конце 1880-х годов состоялась поездка к манси венгерского учёного Б. Мункачи, собравшего огромный фольклорный материал и проанализировавшего его как источник религиозных верований. К концу XIX века относятся две экспедиции в Западную Сибирь финского исследователя У. Т. Сирелиуса. Во время второй из них (1899–1900) он посетил и северных манси. У. Т. Сирелиус внёс большой вклад в развитие финноугроведения. В своих работах он на основании собственных полевых материалов, музейных коллекций, литературных источников дал подробное описание жилых и хозяйственных построек, домашнего производства (обработки шкур, прядения, плетения, ткачества и др.), орудий заповного рыболовства и способов их применения, орнамента. У. Т. Сирелиус выстраивал пути формирования и развития отдельных элементов культуры, разрабатывал их типологию.

К рубежу XIX и XX веков относится экспедиция в Западную Сибирь финского учёного К. Ф. Карьялайнена, основной труд которого, посвященный религиозным верованиям обских угров, был опубликован в 1920-е годы. К. Ф. Карьялайнен описал локальные варианты представлений вогулов и остяков о человеке, окружающей природе, а также варианты различных обрядов.

Осенью 1901 года началась экспедиция в Западную Сибирь финского исследователя А. Каннисто, закончившаяся в 1906 году. Как и большинство его предшественников – зарубежных учёных – он изучал мансийский язык, собирал фольклорный и этнографический материал у всех этнографических групп манси. А. Каннисто принадлежат работы не только о мансийском языке, о расселении и численности в прошлом вогулов, но и о драматическом искусстве – представлениях на медвежьем празднике, обобщающая работа о татуировке у обских угров. Уже после смерти ученого был опубликован его фундаментальный труд, посвящённый религиозным представлениям и обрядам манси. А. Каннисто, как и другие финские исследователи, занимался сбором вещевых коллекций для музеев Финляндии. Эти материалы нашли отражение в работе Т. Вахтер об орнаментированных изделиях обских угров. Особенно следует выделить прекрасные коллекции по кондинским манси – группе, практически утратившей традиционную материальную культуру и слабо представленной в музеях России (некоторое исключение, пожалуй, представляет Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник).

Всестороннее изучение малочисленных народов оказалось необходимым в советский период – в связи с коренными преобразованиями в социальной, экономической и культурной жизни, которые осуществлялись в рамках всего государства. Во второй половине 1920-х годов Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК организует экспедиции для обследования малочисленных этносов. Очень ценным этнографическим источником являются материалы Приполярной переписи 1926–1927 годов, где были учтены различные виды хозяйственного инвентаря и транспортных средств, количество добы-

ваемой и реализуемой продукции, занятость населения и ряд других ценных для этнографии сведений.

Важной вехой в отечественном угроведении стали труды советского историка С. В. Бахрушина, посвященные социальной организации обских угров и истории освоения русскими Сибири (1955). В работах о княжествах остяков и вогулов XV–XVII веков приводится всесторонняя этнографическая характеристика этих народов. Воссозданные автором на базе обширных архивных источников картина происходивших внутри княжеств процессов, взаимодействия между ними, их развития и угасания до сих пор остается непревзойденной по степени насыщенности конкретными историческими сведениями. В то же время, выдвинутая С. В. Бахрушиным гипотеза, согласно которой у обских угров до прихода русских были феодальные отношения и примитивные формы государственности, вызвала возражения у исследователей, занимавшихся социальной организацией этих народов.

Особое место среди исследователей, занимавшихся этнографией манси, принадлежит В. Н. Чернецову, который впервые попал на Северный Урал в составе геодезической экспедиции. Эта поездка определила направление всей его последующей деятельности. В. Н. Чернецов изучает мансийский язык, что открывает ему пути для глубокого и всестороннего анализа различных явлений культуры. Он занимается археологией Урала и Западной Сибири, общественными отношениями, материальной культурой, искусством и верованиями. Именно В. Н. Чернецову принадлежит выстроенная на основании анализа археологических, этнографических и лингвистических материалов гипотеза происхождения обских угров, не утратившая своего значения до настоящего времени. Немалая часть работ В. Н. Чернецова, в том числе и его полевые материалы, была опубликована во второй половине XX века.

Изучением жилых, хозяйственных и культовых построек, их описанием, разработкой типологии занимается в это время З. П. Соколова, публикации которой снабжены большим количеством иллюстраций. Она уделяет много внимания проблеме происхождения фратриальной организации манси и хантов.

В целом ряде работ она опубликовала материалы о численности и расселении этих народов в разные периоды, начиная с XVII века, рассмотрев эти данные в свете проблем этнической истории, а также современного состояния. З. П. Соколовой принадлежат и статьи о религиозных верованиях и обрядах, о традиционном землепользовании, о южных элементах в культуре обских угров. Кроме того, ею были опубликованы книги и статьи, в которых акцент делается на полевые материалы автора.

С. В. Иванов, в течение нескольких десятилетий занимавшийся изучением изобразительного искусства народов Сибири, в своих исследованиях много внимания уделял обским уграм. Он проанализировал практически весь накопленный к середине XX века материал, рассмотрел сюжетные рисунки религиозного содержания, разработал типологию орнамента и скульптуры, среди образцов которой основное место занимает культовая.

Не исчез интерес к этнографии обских угров и со стороны зарубежных ученых. П. Вереш писал работы по социальной организации и по проблемам этнической истории. Анализу терминологии, связанной с медвежьим праздником у манси и хантов, посвящена работа М. С. Бакро-Надь. Нужно сказать, что зарубежные исследователи занимались, преимущественно, изучением языка манси. Значительный вклад в его исследование внесли Б. Кальман, М. Лиимола, Я. Гуя, К. Редеи.

Не уменьшается интерес исследователей и к религиозным верованиям и обрядам манси. Работы по этой тематике принадлежат Е. И. Ромбандеевой, Н. И. Новиковой, С. А. Поповой, В. С. Ивановой, Р. К. Бардиной, М. М. Курлину. Статьи о жертвоприношениях и погребальном обряде публикует Е. Г. Федорова. И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев, А. В. Бауло обследовали святилища по рекам Ляпин и Северная Сосьва и опубликовали подробное их описание, снабжённое большим количеством иллюстраций. Немалое внимание в этих работах уделено вопросам формирования святилищ, их типологии, образам духов-покровителей. Культовая атрибутика жилища как части среднего мира Вселенной, с населяющими его богами и духами, особенности «взаимодействия» с ними людей, осуществлявшегося при помощи различного рода жертвоприношений рассмотрена в

работе И. Н. Гемуева. Определённым видам культовой атрибутики (жертвенным покрывалам, ритуальным поясам и колчанам, металлическим изделиям), их месту и роли в системе религиозных верований и обрядности манси посвящены публикации А. В. Бауло.

Е. А. Пивневой принадлежит большая работа, построенная на архивных материалах, данных похозяйственных книг и посвященная этнодемографическим процессам у манси, происходившим в рамках достаточно длительного периода – с XVII по XX век. Р. К. Бардина на основе архивных документов, опубликованной литературы и собственных полевых материалов выполнила исследование по этносоциальной истории обских и нижнесосьвинских манси с конца XVIII – по начало XXI века.

Продолжается также изучение культурной специфики отдельных подразделений манси. Выходят работы об орнаменте – И. Шабалиной, П. Е. Шешкина; по народному календарю – Н. И. Новиковой, Д. В. Герасимовой, Т. Д. Слинкиной, А. М. Хромовой, С. А. Поповой; о возрастных категориях – Е. Г. Фёдоровой, Н. И. Новиковой, С. А. Поповой; по топонимике – А. К. Матвеева, Т. Д. Слинкиной.

Вопросы этногенеза и этнической истории манси (и хантов) в XVII–XIX веках раскрывает в своей новой монографии З. П. Соколова.

Публикуются образцы фольклора и исследования по фольклору манси, раскрывающие мифологические представления народа. В области угроведения в последние десятилетия XX века продолжают работать и зарубежные ученые.

Важным событием начала XX века стал выход в свет тома «Мифология манси» в серии «Энциклопедия уральских мифологий», в которой обобщён имеющийся на тот период материал по мировоззрению манси.

Накопленные на протяжении многих десятилетий данные, исследования в области смежных наук, результаты которых применимы и в этнографии, позволили подготовить и опубликовать несколько монографий, где подводятся определённые итоги в изучении ряда компонентов культуры обских угров в целом.

ЛЕКЦИЯ 2. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ РЕГИОНА, УГРОВ И НАРОДА МАНСИ

История любого народа понимается как этническая история, которая складывается из этапов формирования этноса (происхождение, этногенез) и развития народа (история). Исследования такого рода основываются на археологических, исторических, этнографических, фольклорных, лингвистических, архивных, топонимических и многих других источниках. Происхождение угорских племён уходит в глубокую древность и связано со сложными процессами генезиса и этнокультурных контактов, получивших отражение в своеобразии и специфике развития археологических культур Урала, Приуралья и Зауралья.

Для понимания этих вопросов полезно ознакомление с геологической историей интересующего нас региона, его природными условиями, животным и растительным миром.

Геологическая история

Наиболее известный науке отрезок геологической истории Западной Сибири составляет примерно последние 250 миллионов лет. По геологической шкале времени – это начало триасового периода мезозойской эры. Как показывают немногочисленные данные, к этому времени уже существовал Палеоурал, гораздо более высокий, чем сейчас. В это время заканчивается вулканический этап в истории региона, который представлял собой гористый район с очагами вулканов. Климат был относительно сухим и жарким, так что деревья могли расти только вдоль рек, образуя галерейные леса из хвойных, гингковых и цикадовых пород деревьев. Постепенно завершается вулканическая деятельность и начинается длительный процесс разрушения гор.

В середине триасового периода формируется холмистый рельеф. Климат становится менее жарким и более влажным. Леса «выходят» из долин рек и занимают междуречья, появляется влаголюбивая растительность. В конце триаса климат снова становится более сухим и жарким, и площади лесов сокращаются,

исчезает влаголюбивая растительность. В начале и середине следующего геологического периода – юрского (205–152 миллиона лет назад) – выравнивание рельефа продолжается, и район становится низменной равниной с широким распространением озёр. Уральские горы превращаются в невысокую горную страну с влажным субтропическим климатом, хвойно-гингковыми лесами, в низинах – леса с зарослями из папоротников, хвощей и плаунов. Остатки животных этого этапа неизвестны, поэтому животный мир данного региона учёные реконструируют по материалам других регионов. С начала мезозойской эры начинается эра рептилий. С триасового периода они господствуют на суше. Несомненно, разные группы рептилий: черепахи, крокодилы, зверообразные рептилии и, наконец, динозавры – обитали и здесь, но их останки пока не обнаружены.

Следующий этап начинается в позднем юрском периоде мезозойской эры, а заканчивается в середине олигоценового периода кайнозойской эры (152–27 миллионов лет назад). Этот этап называется морским, поскольку уже в конце предыдущего этапа началось опускание поверхности Западной Сибири. В конце юрского периода опускание привело к тому, что почти вся территория была залита морем. Оно было связано с тёплым Арктическим океаном, имело среднегодовую температуру воды 15–20 градусов и нормальную солёность. В нём обитали различные виды аммонитов (рис. 2) (головonoгие моллюски со свёрнутой раковиной, похожие на современного наутилуса), белемнитов (рис. 1) (головonoгие моллюски, похожие на современного кальмара) и двустворчатых моллюсков. Свидетельства этого имеются на берегах современных рек Лопсия, Сосьва, Ляпин, Щёртыня. В это же время произошло поднятие Северного Урала.

В начале мелового периода (135–65 миллионов лет назад) климат оставался субтропическим, но стал более влажным. По берегам моря распространились хвойные леса с папоротниками и плаунами. Море не оставалось постоянным. Оно то отступало от гор (регрессия), – и тогда появлялись приморские заболоченные равнины, то наступало (трансгрессия), подходя прямо к подножьям гор.

Рис. 1. Белемнит – головоногий моллюск мезозоя с реки Ятрия.
Фото Т. Немшановой

Рис. 2. Аммонит – головоногий моллюск с Ятрии. Жил в мезозое
60 млн лет назад. Фото Т. Немшановой

В конце мелового периода климат снова стал более влажным, среднегодовая температура воды опустилась до 10–15 градусов. В это время вдоль Урала существовало тёплое течение с юга на север. В составе растительности впервые появились цветковые или покрытосеменные растения, но по-прежнему преобладали хвойные, папоротники и плауны. С началом палеогена (65–23 миллиона лет назад), первого периода новой кайнозойской эры, климат оставался прежним – возможным субтропическим. Но в растительности произошли значительные изменения – началось господство цветковых растений. Широко распространились различные виды дубов, грабов, миртовых, но сохранились гингко и примитивные хвойные. Среднегодовая температура воды в море составляла 15–20 градусов. Подобные природные условия сохранялись на протяжении 30 миллионов лет.

О животном мире этого этапа, кроме фауны моллюсков, ничего не известно. Но, несомненно, в нём произошли громадные изменения. На протяжении большей его части, охватывающей конец юрского и весь меловый периоды (152–65 миллионов лет назад), в море безраздельно господствовали акулы и морские рептилии – ихтиозавры, плезиозавры, мозазавры. На суше – разнообразные рептилии, прежде всего, динозавры. Млекопитающие были не заметны – их размеры не превышали размеров зайца. С концом мезозойской эры (65 миллионов лет назад) в животном мире закончилось господство рептилий на суше, в воде и в воздухе, а в растительном мире – господство хвойных. Их сменили, соответственно, млекопитающие, птицы и цветковые растения. Но в море ещё долго – весь палеоген – были очень многочисленными акулы. Их зубы изредка находят в Западной Сибири.

Очередной «сухопутный» этап в истории региона начался в середине олигоценового периода (около 27 миллионов лет назад) и продолжался до начала четвертичного периода (около 1,8 миллиона лет назад). В его начале море ушло с территории Западной Сибири, и она покрылась хвойно-широколиственными лесами, которые состояли из умеренно-теплолюбивых видов: различных видов ореховых, дубов, вязов, платанов, секвойи, тсуговых. С этого времени начинается постепенное похолодание климата. В начале плиоцена (5 миллиона лет назад) исчезли те-

плолюбивые виды и распространились хвойные умеренные леса, состоящие в основном из сосен, кедров, пихт и елей, с широким распространением мхов и папоротников. Это были первые леса таёжного типа. К началу четвертичного периода климат стал похож на современный, и окончательно сформировалась зона тайги. Животный мир был очень разнообразным и не очень походил на сегодняшний. Были разнообразные олени, обитали примитивные слоны, свиньи, медведи и куны.

Последний, «ледниковый», этап носит название четвертичного периода, он продолжается по сей день. Его начало совпало с началом первого значительного похолодания климата около 1,8 миллиона лет назад. Характерной чертой этого этапа является чередование тёплых и холодных периодов, которые обычно называют «ледниковыми» и «межледниковыми». Насчитывается семь крупных «ледниковых», разделённых семью «межледниковыми» периодами, внутри которых ещё были более мелкие колебания климата. В периоды похолоданий леса исчезали, а древесная растительность сохранялась только в речных и горных долинах. В тёплые периоды леса восстанавливались, но они не были такими густыми, как сейчас, так как волосатые слоны и носороги, первобытные бизоны прореживали их.

Ледник никогда не покрывал территорию современного проживания северной группы манси, только в горах образовывались крупные горные ледники. Были в истории региона (современный Берёзовский район) и краткие «морские», точнее, озёрно-морские периоды. В «ледниковые» периоды ледники иногда покрывали север Западной Сибири, и река Обь не могла впадать в Ледовитый океан. В результате её воды смешивались с частью морских вод и разливались, образуя солонатоводные озёра-моря. Большинство из них имело небольшие размеры и заливало только долину Оби и прилегающие низменности. Но в среднем плейстоцене, в период самаровского оледенения (260–200 тысяч лет назад) образовалось настоящее озеро-море, занявшее весь север до Сибирских Увалов и получившее название *Мансийское озеро-море*.

Возникший в это время животный и растительный мир уже хорошо известен нам по многочисленным находкам. Боль-

шая их часть, почти не изменившись, доживает до наших дней – это практически все виды растений, беспозвоночных, рыб, амфибий, рептилий, птиц. Наибольшие изменения происходили в это время среди млекопитающих. В начале периода появились виды млекопитающих – предки большинства современных видов. На протяжении четвертичного периода происходила их эволюция, и современные виды насекомоядных, грызунов, хищников и копытных появлялись постепенно, в разное время. Например, многие современные полёвки появились 900–700 тысяч лет назад, а современный лось – 200–150 тысяч лет назад. Самое известное из животных того времени – мамонт, по его имени получил своё название последний этап этой фауны – мамонтовая фауна. Мамонты тоже эволюционировали в течение четвертичного периода. Настоящий волосатый мамонт появился 400–300 тысяч лет назад от своего предка – трогонтериевого слона. Кроме мамонтов в состав мамонтовой фауны входили: волосатый носорог, первобытные бизон и лошадь, сибирский овцебык, лось, северный и благородный олени, пещерный лев (он не жил в пещерах, там впервые нашли его кости), песец, лисица, волк, бурый медведь, а также мелкие куны и грызуны. Главными древесными растениями были ель и берёза.

Если бы мы оказались на данной территории в эпоху мамонтов, то увидели бы природу, чем-то напоминающую саванну Африки, только холодную: среди небольших групп деревьев пасутся стада слонов и носорогов, только волосатых, табуны лошадей, северных оленей (вместо антилоп), живут львы («пещерные»). Конечно, это очень отдалённое сходство, так как и количество видов и их численность были несопоставимы с африканскими.

Из всех видов мамонтовой фауны наиболее часты находки костей самого мамонта, что связано с их большими размерами. «Крушение» мамонтовой фауны началось немногим более 11 тысяч лет назад: за 1–2 тысячи лет вымерли мамонты, носороги и пещерные львы. Ареалы одних видов отступали к северу: овцебыки, песцы, лемминги, а других – к югу: лошадь, бизон, благородный олень. Вся территория покрылась лесами, а оставшиеся виды образовали современную фауну. Возраст современ-

ной природы региона – 10 тысяч лет. Причины такого быстрого исчезновения мамонта и его спутников, существовавших до этого сотни тысяч лет, до сих пор остаются загадкой для учёных. Очевидно только то, что человек в этом не виновен. Это был процесс, вызванный природными причинами.

Археологи выделяют два геологических периода истории земли: плейстоцен – время, когда земля устанавливалась, и голоцен – современный геологический период (в котором мы живём сейчас). Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что освоение человеком Западно-Сибирской равнины началось в конце плейстоцена.

Плейстоцен – это время самого позднего в северном полушарии оледенения, охватывавшего промежуток времени от 25–20 до 10 тысяч лет назад, когда уже существовал человек современного вида, и шло формирование основных человеческих рас.

Время появления наших предков, да и вообще первых людей на севере Западной Сибири – до сих пор остаётся одной из нерешённых проблем древнейшей истории. В конце плейстоцена северная часть Западно-Сибирской равнины могла быть занята льдами, которые препятствовали стоку воды на север. В результате этого значительная часть территории представляла собой подпрудный водоём – озеро, очертания которого время от времени менялись. Как уже говорилось выше, климат того времени был резко континентальным – холодным и сухим, преобладали тундровые и лесотундровые ландшафты. Типичными представителями фауны были мамонт, шерстистый носорог, бизон, северный олень, лошадь и сайга, пещерный медведь, тигролев, гиена, т. е. преимущественно стадные травоядные и хищники.

Плейстоцен – эпоха великих оледенений – завершается около 10 тысяч лет назад. На смену ей пришёл современный геологический период – голоцен, когда начинается период глобальных потеплений.

Климат смягчился, ледники стали таять. На освободившихся от ледников территориях постепенно распространилась древесная растительность, происходит формирование современных ландшафтных зон – тундр, лесов и степей. Водные потоки фор-

мируют на новых территориях привычные для нас речные системы. В новых условиях вымерли шерстистые носороги, мамонты и широко распространились современные виды животных.

Этногенез манси

Если в предшествующее время отмечалось лишь эпизодическое проникновение людей на равнинную часть Западной Сибири, то в период раннего голоцена отмечается заселение севера Западной Сибири. О том, что в раннем голоцене люди уже обживают эти земли, свидетельствует появление стационарных поселений и долговременных жилищ, обнаруженных в верхнем течении реки Эсс (территория современного Советского района нашего округа).

Основная специфика эпохи голоцена – это приспособление человеческих коллективов к новым природным условиям. Кто были эти первые поселенцы, откуда и как пришли они на эти земли, на каком языке они говорили – до сих пор остаётся неизвестно из-за недостаточной изученности этой эпохи. В мансийской мифологии данная эпоха отражена как время творцов-первопредков, которым приписывается также и *освоение территорий*.

Первые люди оставили после себя археологические памятники: стоянки, поселения, пещеры с культовыми остатками, сохранившиеся до наших дней. Следы первых поселенцев (стоянки) были обнаружены в бассейнах рек Тавды, Конды, Нижней Оби и на Северной Сосьве с её притоками (в окрестностях современных населённых пунктов – Игрим, Хулимсунт, Няксимволь, Сартынья, Саранпауль, Ясунт). Горно-лесная полоса Урала оказалась чрезвычайно богата разнообразными памятниками духовной культуры древнего населения. Пещеры с культовыми остатками, в основном, располагаются в предгорной части по обоим склонам Северного и Среднего Урала – Подчеремская, Уньинская, Первокаменная, Канинская, Ушминская, Шайтанская, Лаксейская, Тёмная, Жилище Сокола, Лобвинская, Чаньвенская, Дыроватый Камень. Две пещеры – Адакская и Эшмеская – находятся на Полярном Приуралье. Есть сведения о находках металлических украшений в одной из пещер в районе

Усть-Манья и о находках бронзовых котлов на дне одной из пещер в районе Саранпауля.

В географическом расположении пещерных святилищ Урала наблюдаются определённые закономерности. Все памятники центральной группы, на севере Среднего Урала и на Северном Урале, найдены в береговых скальных обрывах верхнего и среднего течения магистральных рек (Печоры, Вишеры, Тавды) и их крупных притоков, берущих своё начало по обоим склонам Уральских гор. Руслу рек совпадают с путями сезонных миграций копытных и трансуральскими транспортными артериями. По сведениям археологов, ареал распространения пещерных святилищ в целом хорошо сопоставляется с территорией проживания манси (исключение составляют два самых северо-западных памятника – Адакская и Эшмесская пещеры). Все исторические источники (И. Г. Георги, Н. Л. Гондатти, И. И. Лепёхин, П. С. Паллас, О. Е. Ончуков, В. Н. Чернецов) также указывают на принадлежность подземных святилищ угорскому (мансийскому) населению. Естественно, что такого рода объекты отсутствуют на равнинной части территории расселения манси, так как там просто нет карстовых явлений и пещер.

Происхождение и расселение угорских племён, в связи с новыми данными, историки, археологи, этнографы, палеонтологи в большей степени стали связывать с Уралом и Приуральем. История и истоки формирования этих племён в рамках уральской языковой общности уходят в глубокую древность.

Заселение горно-лесного Урала началось ещё в раннем палеолите (древний каменный век), около 300 тысяч лет назад. На протяжении тысячелетий по рекам и их притокам осуществлялись культурные и хозяйственные контакты древнего населения Европы и Азии. Здесь проходили волны миграций, как в широтном, так и в меридиональном направлениях.

Самые ранние памятники на территории формирования манси относятся к эпохе нижнего палеолита и датируются около 250–200 тысяч лет назад. Это местонахождение Ельники на Сылве, где найдено кварцитовое орудие типа чопинга и кости трогонтериевого слона. Пещера Большая Глухая на р. Чусовой, где в нижнем слое встречены выполненные из кварцитпесчаника чоппер, три отщепы и осколок вместе с костями пещерного

медведя, тигрольва, северного оленя, песца, зубра и других видов, указывающих вместе с палинологическими данными на существование тундро-лесостепного ландшафта. Сходные находки происходят из местонахождений Галичата I, II на правом берегу Камы близ устья Обвы.

Спустя тысячелетия, только в памятниках верхнего палеолита (40–12 тысяч лет назад) на стенах пещер появились первые свидетельства духовной жизни древнего населения края. Со временем следов мифоритуального творчества становилось всё больше. От духовных ценностей древних людей сохранились фрагменты мифов на скалах и сосудах, в каменной и металлической пластике, а от обрядов – находки в пещерах, на вершинах гор, холмов и редкие погребения.

В это время (периоды межледниковья) человек достиг Северного Урала и низовий Печоры. Здесь обнаружен ряд стоянок, а также наскальная живопись, так называемые уральские писаницы, например, живопись Каповой пещеры с нанесенными охрой фигурами идущих мамонтов и лошадей в верховьях р. Белой в Башкирии. В отношении данных памятников этнические определения еще не применимы.

Проблему этнической принадлежности наскальных изображений Среднего Урала обстоятельно рассмотрел В. Н. Чернецов. Территория распространения писаниц совпадает с местами проживания здесь манси до прихода русских. Об этом говорят как письменные источники, так и ономастические данные. В частности, в долине р. Нейва имеются топонимы и гидронимы «вогулка». Кроме того, В. Н. Чернецов нашёл множество совпадений между рисунками на скалах и различными изображениями в традиционном искусстве манси – орнаментах на различных материалах, бытовых рисунках, татуировках, тамгах, изображениях на священных предметах, затёсах и рисунках на деревьях, в том числе и на священных местах. Он убедительно связал эти сюжеты с хозяйством, культурой, мировоззрением, культовой практикой манси. Всё это позволило исследователю высказать мнение, что традиция нанесения рисунков на скалы была связана «хотя бы на поздних этапах» с угорским населением, конкретно – с предками манси. Изображенные на них охотничьи

сюжеты, ловушки, загороди, очень близки мансийской культуре и мифологии.

Формирование уральской этноязыковой общности учёные относят к эпохам мезолита (IX – начало VI тысячелетия до н. э.) и раннего неолита (VI–IV тысячелетия до н. э.). Огромная территория Западной Сибири, Урала и Приуралья была прародиной уральских народов, т. е. это период прауральской этнической общности, где жили племена общего происхождения и сходной культуры – уральцы. К уральским народам, или народам уральской языковой семьи, относятся финно-угры (современные прибалтийские финны, саамы, марийцы, мордва, коми, коми-пермяне); угры: (ханты, манси, венгры) и самодийцы (современные ненцы, энцы, нганасаны и селькупы).

Формирование уральской этноязыковой общности происходило в результате заселения и смешения аборигенным уральским населением Западной Сибири по Оби, Иртышу, их притокам. А также пришельцев с юга из районов Закаспия для Южного Урала и из Приаралья – для среднего и нижнего Притоболья и нижнего Прииртышья, включая бассейны левобережных притоков – Исети с Миассом, Туры, Тавды, Конды.

В материальной культуре данный процесс констатируется распространением в мезолите микролитической техники кельтеминарского облика. Связи со Средней Азией и районами Приаралья демонстрируют материалы ранней, Козловской стадии конца VI–V тысячелетия до н. э., зауральского неолита. Эта стадия характеризуется отступающе-накольчатой техникой ornamentации керамики, широким распространением орудий на ножевидных пластинах, присутствием асимметричных наконечников стрел с выемкой кельтеминарского типа.

Памятники этого периода, особенно обнаруженные в торфяниках Урала (Горбуновский, Шигирский) и северного Приуралья (Висский), дают представление о возникновении ряда элементов культуры, сохранившихся в быту манси вплоть до XX века. Это лук и стрелы, нарты и лыжи, лодки, а также посуда, особенно деревянная (ложки и ковши), украшенная скульптурами птиц (лебедя, утки, гуся, болотной курочки) и голов лося, медведя.

Археологические находки и наскальные рисунки свиде-

тельствуют о жизни и хозяйственных занятиях населения, близких обско-угорским: охота на лося, оленя, косулю, бобра, медведя, зайца и др., ловля рыбы заколами и рыболовными снастями – сетями, гарпунами, крючками. Наличие примитивного плетения и ткачества. Применение каменных и костяных орудий труда: ножи, топоры, тёсла, скребки, сверла, шилья. Изготовление глиняной и деревянной посуды. По находкам можно судить об использовании культовых предметов – человекообразных изображений духов, фигурки лося, изображений змей, роговых молотов с головой животного. Возраст большого изображения духа длиной 5,5 м из Шигирского торфяника определен радиоуглеродным методом в 9500 лет. Подвижному образу жизни соответствовали и поселения – долговременные зимние с углублёнными в землю жилищами и сезонные – на местах промыслов.

В эпоху мезолита – начала неолита (VI–V тысячелетия до н. э.) происходит распад единой уральской этноязыковой общности на три ветви. Финно-угорская ветвь локализовалась, в основном, к западу от Урала до Финляндии, угорская (куда входили и предки манси) – на Урале, в Зауралье и нижнем Обь-Иртыше, самодийская – преимущественно в среднем Приобье и частью в Прииртыше.

В эпохи энеолита (конец IV–III тысячелетие до н. э.) и бронзы (рубеж III–II – начало I тысячелетия до н. э.) прапредки манси занимались комплексным хозяйством, соединяя охоту с рыболовством и собирательством. В лесостепи и южно-таежной подзоне в эпоху бронзы постепенно распространяется скотоводство с разведением лошади, крупного рогатого скота и в ограниченных размерах – мелкого рогатого скота. Возникает и распространяется культ коня под влиянием скотоводческих иранских племен, оказывавших большое воздействие в хозяйстве и культуре на угров, проживавших по соседству в лесостепи и южной подзоне тайги. Возникают святилища с кострищами.

В переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VII века до н. э.) угорская общность распадается на обских угров (предков хантов и манси) и прамадьяр. Это устанавливается, в основном, по лингвистическим данным. Причинами распада угорской общности в большой мере явились природные факто-

ры, обусловившие развитие скотоводства и превращение его в ведущую отрасль хозяйства в лесостепи при доминировании присваивающих отраслей – рыболовства, охоты и собирательства – в таежной зоне. Ещё одним фактором выступили более активные и разносторонние контакты в южной части угорской общности, что обусловило более быстрое экономическое и социальное развитие последней, в отличие от длительно сохранявшейся на севере архаики.

Прамадьяры отделяются от обских угров во II–IV веках н. э., в эпоху великого переселения народов, когда прекращает существование саргатская культура, связанная с прамадьярами. Нашествие индоиранских племён вынудило уральцев-угров, живших на исходе скифо-сарматской эпохи в Приуралье, к переселению с нажитых мест. Северные угры (предки современных хантов и манси) ушли в лесные труднодоступные чащи к западу от Урала. Основная часть южных угров (мадьяры) перекочевала по степям на запад, другая их часть вошла в состав болгар, башкир, сибир и в другие военно-политические союзы. Булгарским племенам было известно самоназвание *югра*, они ещё в начале II тысячелетия н. э. называли северных приуральских угров *йура*.

В связи с большой ролью саргатского компонента примечательно, что антропологический тип саргатцев в деталях ближе антропологическому типу манси, нежели хантов, а язык венгров, в свою очередь, ближе к языку манси, чем к языку хантов.

С генезисом обских угров, в том числе предков манси, связана также иткульская культура Среднего и частью Южного Урала и Зауралья, сформировавшаяся в эпоху раннего железа VIII–VII–III–II веков до н. э. Для иткульской культуры свойственна высокоразвитая металлургия меди с отливкой из неё различных изделий: втульчатых топоров-кельтов, наконечников стрел и копий, ножей, шильев, культовых бронзовых антропо- и зооморфных изображений и других вещей. Изделия иткульских бронзолитейщиков были широко распространены у населения равнинных лесостепных и лесных районов Западной Сибири.

ЛЕКЦИЯ 3.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

«БОГАТЫРСКАЯ ЭПОХА» В ИСТОРИИ МАНСИ

К концу I – началу II тысячелетия, в основном, завершается формирование угорских народов манси и хантов, и намечается их дифференциация на этнотерриториальные и этнографические группы. Последнее было обусловлено различиями составных компонентов этногенеза и степенью участия того или другого компонента в этногенетическом процессе, характером внешних контактов, а также особенностями природных условий и хозяйственно-культурного типа, свойственного каждому конкретному региону.

Развитие этногенетических процессов шло на фоне постоянных межплеменных столкновений. Следami этого являются городища, погребения воинов, героический фольклор.

Население занималось скотоводством с разведением преимущественно лошадей, охотой, рыболовством; возможно, в небольших размерах существовало земледелие. Поселения (городища) были защищены валами с бревенчатыми стенами и башнями. Жилищами служили бревенчатые дома, каркасно-столбовые полуземлянки и лёгкие шатровые строения.

На эпоху раннего средневековья (VI–IX века) приходится распад общности обских угров и становление угорских этносов, в том числе протоманси и протохантов. Это определяется в рамках молчановской и оронтурской археологических культур. При этом в формировании молчановской культуры протоманси VI–IX веков участвовали два основных компонента – аборигены лесного Зауралья с гребенчато-фигурноштамповой орнаментацией на керамике и пришлые с запада и северо-запада племена, для которых была характерна шнуровая орнаментация посуды. Кроме того, по погребениям исследованных могильников VII–VIII веков здесь присутствует третий лесостепной компонент, связанный с потомками населения саргатской культуры, для которого характерны захоронения под курганами и сосуды кувшиновидной формы, орнаментированные наклонными насечками.

К X веку в лесном Зауралье – на Туре, средней и верхней Тавде сформировалась юдинская культура зауральских манси

X–XIII веков, характеризующаяся гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики. Основу её составило население молчановской культуры бассейна Туры VI–IX веков, различные компоненты которого в процессе смешения были интегрированы в относительно однородный этнос юдинской культуры.

Параллельно с формированием молчановской и юдинской культур зауральских манси на Среднем Урале сложилась петрогромская культура манси Среднего и прилежащих частей Северного Урала. Они легли в основу формирования западных и восточных групп манси. При этом керамика типа петрогром встречена на отдельных памятниках левобережья верхнего Прикамья (Чаньвенская пещера), что почти совпадает с этнографически засвидетельствованным ареалом манси в Приуралье. Детали формирования культуры петрогром не выяснены, возможно участие в этом потомков населения иткульской культуры. Вышеупомянутые комплексы со шнуровой орнаментацией посуды типа встреченной в Калмацком могильнике, составили, очевидно, общий компонент генезиса петрогромской, молчановской, а через последнюю – и юдинской культуры.

Становление юдинской культуры сопровождалось распространением древних манси на среднюю и верхнюю Тавду с оттеснением отсюда хантов на север, в сторону Конды, и на восток – на нижнюю Конду и в нижнее Прииртышье. В последующем, в XIII–XV веках, манси продвигаются на среднюю и верхнюю Конду, оттесняя отсюда хантов в низовья Конды, на Иртыш и в Сургутское Приобье. Отмеченное постепенное проникновение зауральских манси с Туры на север – сначала на Тавду, а потом и далее на Конду – шло под давлением тюрков с юга. Такое проникновение не носило характера массовой миграции, а скорее напоминало инфильтрацию или переселение небольших коллективов, что очевидно сопровождалось частично смешением с аборигенным хантыйским населением, а частично и оттеснением последнего.

В конце I тысячелетия до н. э. происходит становление местного железоделательного производства, независимого от внешних источников сырья. Для региона начинается настоящий железный век. Прямым следствием «технической революции» для таёжного населения Западной Сибири стало ослабление связей с районами,

бывшими до этого традиционными поставщиками металла. На некоторое время установилась своеобразная «замкнутость» таёжной культуры. Другой причиной консолидации населения в единую общность послужило образование на её южных границах ареала мощных военно-политических союзов лесостепных племён.

Ярким показателем значительного хозяйственного прогресса стал быстрый рост численности населения тайги в первой половине I тысячелетия до н. э. Появились крупные поселения, на которых в 30–40 домах одновременно проживали коллективы численностью до 300–350 человек. Были заселены все сколько-нибудь пригодные для этого места – берега озёр, рек, проток. В условиях присваивающей экономики такой демографический взрыв быстро привёл к перенаселению тайги. Для прокормления растущего населения стало недостаточно охотничьих и рыболовных угодий. Если столкновения между общинами прежних эпох носили эпизодический характер, то в I тысячелетии до н. э. западносибирская тайга стала ареной бесконечных войн.

Письменные источники, фольклор обских угров и археологические материалы свидетельствуют о значительной роли войны и военного дела в жизни древнего населения таёжной зоны Западной Сибири. Находки оружия, остатки оборонительных сооружений на поселениях являются ярким отражением военной истории народов региона.

В условиях постоянных войн эпохи раннего железного века на севере Западной Сибири выработался оригинальный комплект вооружения. Панцири из костяных пластин появились здесь ещё в бронзовом веке, но своего совершенства они достигли к концу I тысячелетия до н. э. Тогда на всём пространстве западносибирской тайги сформировался унифицированный тип длиннополого доспеха, набранного из вертикально расположенных удлинённых костяных пластин, иногда скомбинированных с крупными роговыми нагрудниками.

Основным оружием были мощные крупные луки, склеенные из кусков дерева различных пород, с длинными стрелами, имеющими крупные бронзовые или костяные наконечники. В условиях закрытой местности сибирской тайги они предназначались для прицельной стрельбы на коротком расстоянии.

Типы средневековых железных наконечников лесной зоны Западной Сибири и Зауралья отличаются самобытностью, многие из них не имеют аналогов за пределами региона. Совершенствование этой важнейшей категории вооружения протекало без какого-либо заметного влияния со стороны соседних народов. Спецификой сибирских наконечников были длинные шипы, которые затрудняли извлечение стрел из ран. Оружие ближнего боя, сначала бронзовое, а позднее железное, представлено копьями, втульчатыми топорами-кельтами, чеканами, кинжалами.

В начале I тысячелетия до н. э. появляются укрепленные поселения-городища. В I веке до н. э. – III веке н. э. городища представляли собой уже настоящие крепости с глубоким и широким рвом, валами с бревенчатыми стенами, с выступающими за линию обороны бастионами для флангового обстрела атакующих. Период VIII–XII веков отмечен бурным совершенствованием укреплений в таёжном Зауралье и Западной Сибири. Вокруг жилых площадок строятся двух- и даже трёхрядные линии фортификаций, состоящих из валов и рвов. Входы на городища оборудуются сложными воротными сооружениями. Появляются башни. С конца XII–XIII веков отмечается спад в строительстве городищ. В этот период поселения почти не имеют укреплений, немногочисленные городища позднего средневековья очень слабо защищены.

В героический век остяков и вогулов речь постоянно идёт о «городках» и крепостях. По эпической традиции, любой поход богатыря начинается и заканчивается в городке. Вероятно, главной целью подобных войн был не захват земель и даже богатств, а повышение политического статуса собственного городка. Отсюда – то внимание, которое уделяется в фольклоре обустройству крепостей, внутригородским приготовлениям к походам или обороне от врагов. В двух способах защиты – возведение крепости на открытом месте (обычно высоком берегу реки) или сокрытии поселения в низине – отражается военный статус жителей.

Со временем, когда война сделалась настоящим промыслом, она стала более престижным занятием, чем, скажем, ловля рыбы. В общинах произошло укрепление военных лидеров – вождей. О возрастающей роли военных вождей свидетельствует

появление парадного церемониального оружия – каменных булав эпохи поздней бронзы, бронзовых и биметаллических секир, чеканов, кинжалов с фигурными и зооморфными навершиями. Очевидно, к рубежу новой эры власть военных вождей становится наследственной и сакрализованной.

В языках разных народов Северо-Западной Сибири военные вожди называются одинаково – богатыри (у манси – *бтыр*, у хантов – *ўрт*, у селькупов – *сенгир*). Появление военной знати, ещё не сопровождается заметным имущественным неравенством. Все мужчины, способные носить оружие, составляли ополчение таёжных коллективов. Основная масса ополченцев была вооружена только луком и стрелами. Воины, вооружённые, кроме метательных средств, эффективным оружием ближнего боя и защищённые доспехами, составляли малочисленную группу. Вероятно, их появление позволяет говорить о выделении особой привилегированной прослойки общества – военнo-дружинного сословия, соответствующего «богатырям» сказаний героического эпоса. Особый статусный ранг этих тяжеловооружённых воинов подчёркивали наборные пояса.

Эти воины-богатыри (военно-дружинное сословие) в своей общине были первыми среди равных. Власть вождей-богатырей железного века была, скорее всего, ограничена институтами самоуправления, существовавшими в общине – советом старейшин – «седоголовых старцев» и народным собранием – «собранием воинов». Наличие этих институтов в древности у предков угорских народов нашло отражение в героических сказаниях и былинах (былинная «военная эпоха», манс. *хонтлын йис* от *хонт* ‘война’ и *йис* ‘эпоха’). В мансийском языке слово *тэ́рнлахту́кве* означает ‘сражаться’, *тэ́рнлахты́л* ‘сражение’. Не случайно эпические песни, повествующие о деяниях богатырей (богатырш), носят название *тэ́рның эрыг* ‘военная песня’ букв. ‘песня о сражении (битве)’.

Най бтырт ‘героини, богатыри’ в представлении манси – это души предков. Богатыри, благодаря унаследованным свойствам и стилю жизни, обладали способностью мгновенно переходить в военный тонус. Их любимым занятием в мирное время

была охота. Способ их времяпровождения – состязания и военные игры, проходившие на особых площадках около города (площадь для игр или площадь для пляски). Эти игры состояли из стрельбы (например, «в воздух бросают сплетенные из прутьев кольца, стреляют по ним стрелами»), борьбы на борцовских площадках, прыжков через натянутые между столбами ремни, бега наперегонки на лыжах, метании друг в друга при помощи ног скрученных в виде мяча кожаных ремней величиной с конскую голову, а то и каменных глыб и т. д. Не удивительно, что богатыри были способны увернуться от летящей стрелы, услышав звук спущенной тетивы.

В героических песнях и сказаниях (*эрыг потрыт*, *йис потрыт*, *ляңхыт*), сочинённых как в стихах, так и в прозе, повествуется о том, что происходило в «богатырскую эпоху». Это сюжеты о подвигах богатырей, походах и военных действиях, в которых эти богатыри участвовали. Как правило, рассказывается, как и откуда они пришли. Богатыри отождествлялись с родоначальниками обитателей конкретных, реально существующих местностей или селений, каждый из них имел свою песню. В религиозных представлениях манси, такие богатыри трансформировались в образы духов-покровителей. В их числе фигурируют и сыновья верховного божества *Нуми Тõрум*'а.

Причиной военных действий в героических песнях могут быть следующие мотивы: месть за убитого отца или выяснение причины его смерти; либо герою приносят весть о прелестной девушке, и он отправляется свататься к ней, но его поход кончается сражением. Отъезду предшествует военный совет, для чего вождь через «оруженосцев» созывает весь свой народ. Затем следует выбор воинов посредством жребия с зарубками и определение срока отъезда. Но сами герои «при наступлении эпохи обычного человеческого возраста» поселяются в качестве духов, принимающих жертву-пищу и кровавую жертву; имеют своё местожительство в густых лесах, рощах, на высоких горах или истоках рек, на возвышенностях, образуемых реками. Место поселения такого героя-духа для манси является священным.

Война – это не только вражда, но и своего рода условие мира. От успехов в войне (или готовности к ней) зависят орга-

низация общественной жизни, социальный статус человека. Война развивает технологии. Не случайно, в истории народов Западной Сибири во второй половине II тысячелетия одновременно два явления: стихание войн и упадок ремёсел. При этом имеет значение характер войны: местная распря «в порядке вещей» воздействует на развитие технологии; тотальная же война, особенно вторжение иноземцев с последующим установлением режима политического подавления – действует разрушительно.

Общераспространённые причины войн «традиционных народов», в том числе и западносибирских угров – месть и «охота на женщин». Для них характерны традиция проведения военных танцев и иных религиозных обрядов как средства нагнетания боевого духа, существование школы военных искусств, этических норм (типа спартанских) и исключительное значение войны в определении общественного положения мужчины.

В угорских героических сказаниях женщины выступают не столько в качестве действующих лиц, сколько в значении символа земли, богатства и власти. Походы за женщинами являются «идеологической формой» борьбы за территориальную власть. Иначе говоря, тот, кому «попалась в руки» женщина, оказывается властелином земли – и своей собственной, и той, к которой принадлежит избранница. Не удивительно, что в эпосе свадьба и война не разделимы. Нет лучшего способа выразить могущество вождя или князя, чем сказать: «С семи концов земли он взял в жёны семь девиц» (если даже много прекрасных девушек у себя в городке).

Нечто подобное прослеживается и в жажде завоевателей угонять олени стада. Правда, в этом случае мотив «обладания главными богатствами» дополняется тактическими соображениями – угон стада лишал противника маневренности (попросту – возможности преследования). Как бы то ни было, но не пушнина и иные драгоценности, не укреплённые городки и богатые промысловые угодья, а именно женщины и/или олени выступали основной целью набегов.

Археологические материалы свидетельствуют, что в условиях социальной и военной напряжённости, вызванной относительной перенаселённостью, обитатели таёжной зоны Западной Сиби-

ри к первым векам новой эры вплотную приблизились к порогу классообразования и формирования сложных военно-потестарных систем, подобных позднесредневековым обско-угорским княжествам. Но тогда этот процесс не был завершён. Выходом из кризисного состояния стал уход избыточного населения на новые территории. Миграции избыточного населения за пределы западносибирской тайги снизили остроту проблемы перенаселённости и привели к снижению накала межобщинных войн.

Вожди-богатыри эпохи военной демократии с их городками (ранний железный век и раннее средневековье: VIII век до н. э. – X век н. э.) – это период образования этносов. В следующее за железным веком средневековье идёт образование княжеств. Это уже военно-политические объединения, и у них не городища, а города-крепости. Князья-богатыри – потомки вождей-богатырей. Поздние княжества были уже не этническими, а территориальными образованиями, созданными военной силой, для них характерны отношения военно-потестарной организации. В основе политической организации угорских княжеств была неограниченная власть замкнутого сословия военной аристократии. Во главе крупного княжества стоял верховный правитель или «большой князь».

Численность вооружённых формирований не могла быть большой, это обуславливалось очень малой плотностью населения и трудностью действия больших масс воинов в условиях лесисто-болотистой местности. В героических сказаниях обских угров упоминается об отрядах в 50, 300 и 700 воинов. Этим цифрам близка известная по русским документам численность вспомогательных отрядов угров (в основном, отрядов Кодских князей), принимавших участие в совместных с русскими дружинами походах.

Достигнутый таёжным населением Северо-Западной Сибири уровень военного дела был достаточно высок для общества с присваивающей экономикой. Он позволял обским уграм давать достойный отпор врагу и даже осуществлять крупные набеги на русские владения в Приуралье в XIV–XVI веках. Например, чувовские вогулы учинили мятеж в строгановских вотчинах или Пелымский князь Аблегириг вторгся в Пермский край, «а с ним людей семьсот человек».

ЛЕКЦИЯ 4. РАССЕЛЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МАНСИ

До настоящего времени территория первоначального формирования культуры предков современных манси (как и угров в целом) учёными определяется по-разному.

Ареал былого расселения манси помогает установить мансийская топонимика. Однако её распространение и интерпретация также неоднозначно оценивается учёными. Финский учёный А. Каннисто на основании выявленной им мансийской топонимики локализовал территорию манси в широких пределах. Включая на западе – верховья Печоры, бассейн Вычегды, на западе до Мезени, в среднем Приуралье – левобережье Верхнего Прикамья с Вишерой, Косью, Чусовой, Сылвой и Иренью, Средний и частью Южный Урал с бассейнами рек Тагил с Салдой и Мулгаем, Исетью и Уфа, а также в Зауралье – по рекам Тура, Тавда с Пельмом, Сосьвой, Лозьвой и Лялей. Точка зрения А. Каннисто была критически пересмотрена известным советским учёным в области топонимики северного региона А. К. Матвеевым. Он ограничивает ареал мансийской топонимии преимущественно Средним Уралом с прилегающими в Зауралье бассейнами верхней Тавды и Туры, а в Приуралье – частично левобережьем Прикамья и верхней Печоры. А. К. Матвеев предполагает, что предки манси проникли в Приуралье с востока, в отличие от А. Каннисто, усматривавшего движение манси с запада на восток. В свете современных исследований определяемая А. К. Матвеевым территория мансийской топонимии представляется более оправданной, чем ареал А. Каннисто, уводящий манси до Мезени. Решение же вопроса о передвижениях предков манси является более сложным.

У манси в прошлом можно выделить три этнографические группы – западные (реки Вишера, Пелым, Сосьва, часть Лозьвы, средний Урал), восточные (река Конда с притоками), южные (реки Тура, Тавда). К концу XIX века западные и южные манси исчезли: часть была ассимилирована татарами и русскими, часть ушла на север и восток, где шёл процесс слияния с хантами. В то же время сформировалась группа северных манси по

р. Северная Сосьва с Ляпиным и верховьям Лозьвы. Окончательно она сложилась, по-видимому, на рубеже XVIII–XIX веков на основе местного хантыйского населения и пришлых с юга и запада групп манси. Об этом свидетельствует то, что еще в XVII–XVIII веках их называли остяками, а не вогулами.

Этнографические группы манси различаются по самоназваниям и отчасти по культуре. Представители территориальных групп обычно называют себя по реке, на которой живут: *Тăгт мăхум* – сосьвинский народ, *Сакв мăхум* – сыгвинский (ляпинский) народ, *Лусум мăхум* – лозьвинский народ, *Полум мăхум* – пельмский народ. Различия между ними устанавливаются, в основном, по диалектам (или наречиям), а также по эндогамным ареалам (эндогамия – преимущественное заключение браков в данной группе).

Территориальные группы манси в рамках этнографических ареалов очерчиваются также по речным бассейнам притоков Оби и Иртыша – северососьвинские, сыгвинские (ляпинские), кондинские, юкондинские (или карымские); либо ляпинские, верхнесосьвинские, среднесосьвинские, нижнесосьвинские, обские, верхнелозьвинские и верхнепельмские; последние выделены, очевидно, уже по материалам XX века. Основные отличия между ними – языковые, отчасти – культурные.

Западные манси, по данным лингвистики, – это манси, населявшие в XVII–XVIII веках территории западнее рек Тавда и Конда – бассейны рек Пелым, Лозьва (кроме её верховий), Кама с Колвой, Косьвой и Вишерой, Сосьва с Лялей. Отсутствие мансийской топонимики на Пелыме, название населения Пелыма, Сылвы, Ирени остяками, а не вогулами, остяцкий характер имён и фамилий, а также тамг населения данного региона свидетельствуют о сложном происхождении западной группы манси – на основе мансийского пришлого и аборигенного остяцкого населения. В XVII веке, по статистическим данным, отмечен уход населения с Пелыма (скорее всего на Конду и Северную Сосьву), исчезновение угорского населения с Камы, Колвы и уменьшение его на Лозьве, Ляле, Косьве. В XVIII веке эти процессы усилились: на Сосьве, Лозьве, Ляле и Косьве. Численность угорского населения уменьшилась в целом и на Пелыме. В связи с

христианизацией часть западных манси, очевидно, ушла на север, на Северную Сосьву с Ляпиным, другая часть обрусела.

В конце XIX века (1897) на Сосьве, Лозьве и Пелыме было 777 манси и 181 русский. Часть манси в XIX веке перешла из ясачного в крестьянское сословие. В начале XX века (1901) на Пелыме из 241 манси не говорили по-мансийски 62 человека, на Лозьве из 279 манси – 87; здесь же жили 31 обрусевших манси. На Сосьве манси уже не было.

Южные манси рек Тавда, Тура с Ницей и Тагилом, Средняя Кама с Иньвой и Чусовой, верховья Уфы также очень рано испытали влияние русского населения, а особенно – татар. Население Тагила, Тавды, Туры, Уфы, Чусовой, Ирени в XVI–XVII веках разные источники называли остяками. Исключение составляли жители Тагила, их именовали ещё либо вогулами, либо татарами. В XVII – начале XVIII века население этого региона уменьшилось на 40%, часть его обрусела, часть была тюркизирована, часть ушла к северу, скорее всего на Конду. В XVIII веке полностью исчезло угорское население Туры, Уфы, Чусовой, Мулгая, Аят-озера, на Тавде оно выросло на 50%. В XIX веке численность угров на Тавде возросла на 60%. В это время здесь отмечено наибольшее число межнациональных браков с русскими – в отдельных волостях до 35%; в XIX веке число их возросло по сравнению с XVIII веком в 4–6 раз. Часть угров перешла из ясачного в крестьянское сословие. В конце XIX века число манси на Тавде достигало 1681 чел., русских – 279. В начале XX века численность манси уменьшилась уже до 658 чел., из них 327 уже не говорили по-мансийски. Сейчас там нет манси. Таким образом, на Тавде за пять столетий (XVI–XX века) население сменило этническую принадлежность не менее чем четыре раза: сначала здесь жили манси, в XVI–XVII веках они были тюркизированы, в XVIII веке тут снова возобладало мансийское население, с начала XX века начался и завершился процесс обрусения манси.

Восточные манси жили на Конде с притоками. Возможно, раньше здесь также жили остяки: тут не обнаружено мансийской топонимики, на нижней Конде и сейчас живут ханты, население притока Конды р. Карым в конце XVIII – начале XIX века сменило свою этническую принадлежность с хантов (остяков) на манси (вогулов). Население Конды на протяжении веков (по-

видимому, еще с XIII–XIV веков) пополнялось переселенцами-уграми с запада и юга. В XVII веке его численность оставалась примерно стабильной, в XVIII веке увеличилась, почти удвоившись к концу столетия. Возросла численность кондинского населения и к концу XIX – началу XX века (примерно на 15%). Массовое переселение русских на Конду происходило в XX веке. Тогда же и проходили процессы обрусения манси.

Северные манси. Начавшееся на рубеже I–II тысячелетий н. э. формирование этнографических групп манси – восточных (юдинская культура) и западных (памятники типа петрогром) продолжалось во II тысячелетии в результате продвижения восточных манси к северу – в верховья Тавды, на верхнюю и среднюю Конду. Продвижение, как отмечено, сопровождалось смешением пришельцев-манси с аборигенами-хантами и частичным вытеснением последних. Судя по сообщению С. Герберштейна (1908), указывающего на проживание вогулов (манси), наряду с остяками по Северной Сосьве вплоть до Оби, можно относить начало формирования группы северных манси ко второй половине XV – началу XVI веков. Оно происходило за счет притока манси из Приуралья, оттесняемых коми-зырянами и русскими за Урал.

Вероятно несколько позже, с конца XVI – начала XVII веков, когда было ликвидировано мансийское Пелымское княжество Аблегерима (союзника Кучума) в формировании северных манси приняли также участие выходцы с Пелыма, Лозьвы и Конды. Отток манси с этих территорий на Северную Сосьву и Ляпин продолжался в последующий период XVII–XVIII веков. Это происходило под давлением с юга татар и русских, которые частью оттеснили на север и северо-восток, а частью ассимилировали манси Туры и Тавды.

Большой приток населения на Северную Сосьву отмечен в XVIII веке, его численность увеличилась на 45%. Вероятно, приток населения был связан с христианизацией угров, которая особенно интенсивно проходила на Конде и Оби в XVIII веке. В XIX веке число манси на Северной Сосьве с притоками несколько уменьшилось (на 7,5%). Население уходило на север, на Обь, Казым, скорее всего, в связи с объясачиванием и христианизацией обских угров.

Очевидно, завершающие процессы формирования северных манси проходили в XVII–XVIII веках. В XIX веке венгерские исследователи застали здесь уже мансийское население, хотя по данным метрических книг брачные связи местных манси были ориентированы в значительной степени на северных хантов. В конце XIX века (1897) на Сев. Сосьве с Ляпиным было 2184 манси, 55 ханта, 173 ненцев, 467 коми-зырян, 120 русских. Ненцы известны на Ляпине еще в XVII веке. С середины XIX века сюда стали переселяться оленеводы коми-зыряне. Межнациональных браков между манси, ненцами и коми-зырянами в XIX веке было ещё мало (так же, как и с русскими). И в XX веке мансийское население долго сохраняло свою национальную самобытность.

По сохранившейся мансийской топонимике можно говорить о том, что до XIV века предки манси жили много западнее, чем сейчас, вплоть до Печоры. Очевидно, в XIV–XV веках они появились на Пелыме и верхней Конде. В XV–XVI веках они проникли на Северную Сосьву с Ляпиным, где проживали совместно с остяками (хантами), и в районе низовий Северной Сосьвы достигают реки Оби, заселенной также хантами. Очерчиваемая мансийскими топонимами территория постепенно сокращалась и частично смещалась в направлении с запада на восток и с юга на север. Уже в XVII веке манси не было на Вычегде, Печоре и Каме, в XVIII веке – на Уфе и Чусовой. Постепенное продвижение русских, теснивших коми-зырян, подвигало к востоку и манси, которые в свою очередь вытесняли проживавших на этих территориях хантов всё более на восток. Окончательно манси переселились за Урал в Сибирь в конце XIX – начале XX века. В XIX веке манси исчезли с реки Тура, в XX веке их уже не было на Тавде, Сосьве, единицы оставались на верхней Вишере. На Мезени манси, видимо, вообще не было, на средней и верхней Вычегде их пребывание в прошлом может относиться к VII–IX векам. Если посмотреть в южном направлении, то ещё в XVII – XVIII веках мансийские селения были на реках Тавда, Тура, Пелым, Сосьва, на Урале и в Приуралье (реки Чусовая, Вишера, Ляля, Косьва, верховья Уфы); на озере Аят, реке Мулгай, на Сылве и Ирени.

Этнизирующие признаки культуры манси начали формироваться давно, еще до их окончательного сложения в этнос. Это от-

носится к комплексу и типам их хозяйства – загонной охоте на лося и оленя, ловле рыбы сетями, заколами, удочкой, на горных реках – с помощью гарпуна и остроги. Уже в мезолите-неолите, как мы видели, начали формироваться типы нарт, лыж, лодок, мировоззрение (почитание животных, огня, предков), искусство (резная деревянная скульптура), в эпоху бронзы – многие типы геометрических орнаментов. Для манси характерна архаичность культуры, развивавшаяся в условиях географической изолированности и экстремальности окружающей природной среды.

Отметим лишь некоторые черты культуры, характерные для манси: большая роль загонной охоты на лося и оленя; добыча рыбы острогой; широкое распространение особого типа срубного дома и амбара («западного типа» – со свесом крыши), типы двускатного строения из жердей и бересты, а также срубного дома (выше говорилось, что срубная техника – от русских) с дымовой щелью на месте конька. *Луссун* (лузан) – специальная накидка для переноса груза; *няра* – обувь из продыmlенных шкур с ног лося; *пõрха* – мужская меховая одежда глухого типа; культ лося. Эти специфические черты складывались, по-видимому, на протяжении длительного времени, под влиянием окружающей среды и оформились уже в конце I – начале II тысячелетия н. э.

Если окружающая среда на протяжении веков оставалась почти неизменной, то в экономическом плане происходили постоянные перемены.

Для обществ, которые в силу природных условий вынуждены вести традиционное охотничье-рыболовческое хозяйство, неизменное на протяжении целых эпох, особенно велика роль торгово-обменных связей. С помощью этих связей они включались в общую систему древнего и средневекового мира, получали импульсы, способствующие экономическому, социальному и культурному прогрессу. Народы таёжного Зауралья и Западной Сибири дают именно такой пример – внутреннее развитие обеспечивало только традиционный малоизменчивый путь, а стимул к переменам часто привносился извне.

Взаимосвязи народа с разными его соседями никогда не бывают одинаковыми. И главная причина этого в экономическом и культурном уровне развития соседствующих народов.

Контакты манси с другими народами были мирные и немирные, но постепенно возобладали мирные, и развивались они в основном в хозяйственно-культурной (материальной) сфере.

В связи с увеличением торгово-обменных контактов с Волжской Булгарией, Древней Русью, Новгородом, коми-зырянами и коми-пермяками, а также – с народами Сибири – тюрками лесостепи и степи, хантами и самодийцами – на севере и северо-востоке выросло значение пушной охоты, поскольку предметом обмена чаще всего была пушнина – соболь, бобр, лиса, белка. Предки манси выменивали её на изделия из железа – топоры, ножи, кресала, оружие, а также конское снаряжение, поясные и уздечные наборы. Большим спросом пользовались медные котлы, бронзовые украшения и детали одежды – коньковые подвески пермских типов, бусы, серьги, височные кольца, браслеты, пряжки, бляшки, а также иранские серебряные блюда, использовавшиеся преимущественно в культовых целях.

Важной статьёй экспорта была мамонтовая и моржовая кость, пользовавшаяся большим спросом. Для любителей соколиной охоты с Приполярного Урала вывозились лучшие, по тем временам, соколы.

Наиболее интенсивными были связи с Волжской Булгарией и Русью. При этом пути за Урал по Каме в домонгольское время находились преимущественно в руках волжских булгар. Было два пути проникновения булгарских и приуральских вещей из Прикамья в Сибирь, и оба проходили через земли манси. Южный путь шёл с Камы вверх по Чусовой, через Урал и далее в бассейны Туры и Тобола, а северный – с верхней Камы на Вишеру, через Урал на Лозьву и Тавду.

Несомненные выгоды торговли с севером заставляли купцов придумывать страшные и часто неправдоподобные истории. Например, булгарские купцы для отпугивания возможных конкурентов из стран Востока рассказывали о великанах, приплывающих из страны Йуры. Подобные истории находим у ибн-Фадлана и ал-Гарнати. Волжской Булгарии было отчего бояться иноземных купцов, поскольку она, начиная с X века, была активным посредником на главной магистрали Волжско-камского торгового пути, по которому товары попадали за Урал. Через

булгарские города в Западную Сибирь поступает иранское и византийское серебро, изделия малоазийских мастеров, оружие. Торговля была многоступенчатой – купцы из разных стран добирались до Булгара, где располагалась международная ярмарка, а отсюда на север товары везли булгарские торговцы. Они скупали не только вещи, привезённые издалека, но и продукцию собственных ювелиров и торетов (племя на побережье Азовского моря); яркий рассвет булгарского ювелирного дела стал возможен именно благодаря этому рынку.

Состав импортных вещей XI–XIV веков, сохранившихся у манси, обширен и разнообразен – более двух десятков серебряных сосудов, около 200 изделий булгарских ювелиров-сканщиков, несколько десятков произведений булгарской черневой школы; многочисленные прикамские (родановские) бронзовые вещи – шумящие подвески, пронизки, навершия кресал, другие украшения и принадлежности костюма. Продолжается импорт оружия и железных орудий явно европейского облика – мечи, сабли, топоры и т.д. Конечно, и экспортные и импортные товары были гораздо разнообразнее, чем можно судить по данным археологии или по скудным сведениям письменных источников.

Установление постоянных, прочных, взаимовыгодных торговых связей имели глубокие последствия для зауральского (в том числе и мансийского) населения, они послужили едва ли не основным стимулом прогресса.

Русские появились за Уралом, в Югре, в XI веке. Они двигались более северным путём по Сухоне и Вычегде на Печору, с которой переходили через Урал на Северную Сосьву или Сось. Это были воины, купцы, промышленники. Они выменивали и добывали пушнину, в отдельных случаях для более тесного контакта с аборигенным населением создавали фактории в его поселениях. Больше всего вещей русского происхождения и сделанных местными мастерами по русским образцам отмечено в Зауралье в XII–XIII веках. Это орудия труда и быта – топоры, ножи, кресала, замки, украшения. К манси Среднего Зауралья они, по-видимому, попадали окольным северным путем.

В конце XI–XII веках начались походы новгородских, а затем и Московских воевод в Югру. Под 1364 годом в сообще-

нии Новгородской летописи о походе в Югру воевод Степана Ляпы и Александра Абакуновича впервые упоминается р. Обь. В сообщении указывается, что выйдя на Обь, рать разделилась на две части, и «одна часть вверх по Оби, а другая вниз до моря воеваша». После присоединения в 1478 году Новгородской земли к Московскому Великому княжеству правительство Ивана III активизировало свою политику в отношении Югры. В 1483 году состоялся поход большой рати под командованием Фёдора Курбского в Югру – через Верхнее Прикамье, земли вишерских и зауральских манси верховий Тавды и Туры. Оттуда рать спустилась на нижний Иртыш и Обь и возвратилась на Русь северным путём – с богатой добычей «полоном из югорских князей», в числе которых был большой князь Коды Молдан. Затем югорские князья были отпущены с обязательством уплаты дани и признания верховенства Московского Великого князя.

В 1499 году большой зимний поход в Югру рати более 4000 воинов под командованием С. Ф. Курбского проходил через Печору на Северную Сосьву и Сыню, земли манси он почти не затронул. Наметившееся противостояние между Московской Русью и Сибирским ханством за обладание Югрой после захвата в нём власти Кучумом в 1563 году завершилось поражением Кучума в результате похода Ермака 1581–1585 годов. Следствием было присоединение Сибири к России, в том числе земель манси, в конце XVI века.

С 70-х годов XV века, после присоединения Перми Великой к Московской Руси, русское население активно осваивало Верхнее Прикамье, а еще ранее с XIII–XIV веков – Вычегодский край, тесня на восток и север коми-зырян и коми-пермяков, а также – манси.

Тюрки впервые появились на юге Западной Сибири в VI–VII веках в связи с походами и завоеваниями Первого Тюркского каганата. Группы тюркоязычных кыпчаков, оттеснённые из степей Западной Сибири и Казахстана к северу, проникают на Туру, частично оттесняют на север местное мансийское население, частично смешиваются с ним. Так образуется группа тюменских татар, которые постепенно продвигаются на верхнюю Туру и Тавду, оттесняя оттуда манси, а частью ассимилируют их.

Развитию процессов тюркизации юго-восточной, туринской группы манси способствовало также включение земель Притоболья в состав Золотой Орды. В конце XIV века, в ходе развития феодальной раздробленности из Орды выделилось Тюменское ханство с центром Чимги-тура (Тюмень), а в конце XV века образовалось Сибирское ханство с центром Кашлык или Сибирь (Искер) на Иртыше. Попавшее в зависимость угорское – мансийское и хантыйское население было обложено данью, которую платили мехами, прежде, всего соболями.

Большую роль в плане экономических перемен для манси играли западные связи через Уральский хребет, с Прикамьем и Припечорьем, бассейном Вычегды. Археологи связывают территорию Прикамья с формированием, в основном, пермских народов, в частности, в Верхнем Прикамье – коми-пермяков. Однако здесь, особенно на левобережье Камы, происходили также сложные процессы угорского этногенеза. Имело место тесное взаимодействие с соседними пермскими народами и межэтнические брачных контакты, что оказывало влияние на облик материальной и духовной культуры предков манси и коми-пермяков. Отражением этих явлений и природных особенностей таёжного региона является сходство в сюжетах и стиле изобразительного искусства (образы медведя, лося и др.).

Западные связи предков манси фиксируются с древности. Около рубежа эр в Зауралье появляется довольно много прикамских вещей: эполетообразные застёжки, круглые бляхи с концентрическим орнаментом, прямоугольные нашивные бляшки, объёмные подвески в виде фигурок медведей, височные подвески, объёмные зооморфные пронизки и т. д. Но в то же время многие привнесённые вещи местное население адаптирует к своей культуре – начинается изготовление местных конфигураций переосмысленных прикамских форм: эполетообразных застёжек с головами медведей, прямоугольных бляшек с медведями в «жертвенной позе» и т. д.

На устойчивые длительные контакты манси с коми и большое культурное влияние последних указывают многочисленные заимствования в языке манси из языка коми. Венгерский учёный-лингвист К. Редзи провёл специальное исследование по этому во-

просу, и по его утверждению в языке манси (и близкородственного к манси языке хантов) обнаруживается свыше 350 более или менее бесспорных заимствований из коми языка. В то же время лингвистический анализ показывает, что среди заимствований значительную группу составляют слова, выражающие количество и качество предмета, определённое состояния природы и человека, его чувства, что может иметь отношение и к общему праязыку.

Коми: Рочева А. Т., Рочев П. К. Манси: Анемгуров Д. В.,
Анемгурова А. И., Анемгурова М., Анемгуров П. Д.
Русские: неизвестно.

Фото из личного архива С. А. Поповой

Коми учёные, например, Е. А. Игушев считает, что самоназвание Югра пришло от коми, которые называют хантов и манси *Югид ва дорын олысьяс* ‘Живущие у Светлой (Белой) реки’. *Юг* от слова *югид* ‘светлая’; под названием Светлая вода подразумевается впадающая в Каму река Белая, на которой первоначально проживали угры – ханты, манси и венгры (до прихода туда с Азии говорящих на тюркском языке башкир). Ра –

так называлась на языке древних угров главная, большая река (вода) на их прежней родине (ра – вода в финно-угорское, уральское время). И в наше время народы, живущие около Волги, называют реки Каму и Волгу «Ра». Нашествие индоиранских племён вынудило уральцев-угров, живших на исходе скифо-сарматской эпохи в Приуралье, к переселению с нажитых мест.

Вопрос о появлении коми на территории Западной Сибири остаётся пока открытым. Группой учёных археологов во время Уральской археологической экспедиции были произведены раскопки древних городищ на территории бывшего Кодского княжества в районе нижней Оби около поселений Перегрёбное и Шеркалы. Полученные в результате раскопок материалы дают весомые доказательства, что уже в начале II тысячелетия здесь проживали древние коми-переселенцы.

Новая миграционная волна или «великое переселение» уральских и сибирских народов началась после событий XIII века, когда монголы уничтожили Великий Булгар, а инициативу в освоении северо-западных склонов Урала от новгородцев перехватили московские князья. Начиная с XIV века, югричи перебираются на восточные склоны Урала, где они впоследствии растворяются среди местного населения. Массовое переселение в большей мере было вызвано поголовной христианизацией «туземцев», проводимой ставленниками московских князей. С этого периода этническое имя «югра» исчезает, а коренное и пришлое некрещёное население за Уралом крестители прозвали вогулами и остяками. Прямых свидетельств о языке югров нет. Помимо того, что они являются предками (одной из предковых линий) современных хантов и манси, некоторые учёные (например, А. В. Головнёв) предполагают родство югров с пермьянами, самодийцами или обитателями уральской Субарктики сихиртя.

После разделения финно-угорского пранарода на отдельные самостоятельные языковые группы прапермьяне жили в Прикамье ещё примерно полторы тысячи лет, сохраняя тесные экономические и культурные связи с ираноязычными племенами Скифии и волго-камскими булгарами. Переселение предков коми из Прикамья на берега северных рек началось в X–XI ве-

ках. Но охотничьи племена и до этого бывали в северных богатых дичью и растительностью местах. Исторические документы, связанные с завоеванием Сибири и походами «на Обь реку», свидетельствуют о том, что коми охотники не были новичками и в сибирских землях. Переселенцы из Прикамья на новых местах получили название «пермь», «коми». Впоследствии русские стали называть пермян заимствованным словом из мансийского языка: *саран* – сирян – зырян – коми-зыряне. *Саран* – на коми языке *зарни* ‘золотой’, на мансийском *сърни* ‘золотой’, возможно по необычному рыжему цвету волос и бороды.

Из коми-пермяцкого эпоса известно, что уже их предок, богатырь Кудым-Ош бывал в дальней земле, куда он ездил свататься за мансийской княжной небывалой красоты Костэ (*Кос-я нэ*). Чудской род Кудым-Ош’а жил на берегу реки Инь-ва в дремучих лесах (Парма), в чом’ах-шалашах, крытых древесной корой. Кудым-Ош предстаёт вожаком рода, родоначальником, «культурным героем», который обучает родичей сеять хлеб, ловить лосей и оленей, приручать их, добывать руду, изготавливать железные топоры и ножи, строить жилище. Иногда упоминается, что навыкам земледелия и кузнечного ремесла он обучается у соседей. Кудым-Ош сооружает плот (манс. *пор*) и на нём отправляется к мансийскому князю Асык’е (*Ас ики*), его сопровождает *Ваяси* ‘человек, знающий’ [мансийский язык]. Следует отметить, что путешествие Кудым-Оша завершилось благополучно свадебным пиром только потому, что он не испугался тощей личины красавицы Костэ, чем снял с неё чары.

В духовной культуре манси и коми заимствований почти не наблюдается. Однако здесь можно выделить область представлений, относительно которых имеются основания говорить о едином истоке, об общих корнях. Речь идёт о древних религиозных воззрениях. Спорным является вопрос о том, передали ли после принятия христианства коми своих языческих богов манси, которые будто бы перенесли их вначале на Урал, а затем и в Зауралье. Предположительно можно сказать, что выделенные в языке манси заимствования как раз подчёркивают близость языческих верований коми и манси: одинаковое представление о душе, обозначение нечистой силы и т. д.

По преданиям коми-пермяков, от притеснений Стефана Пермского (1379) местные жители (легендарная чудь, от которой они якобы происходили) вынуждены были отступать всё дальше на Север, в глухие, труднодоступные леса. Некоторые из них бежали за Камень (Урал), к осяткам, и здесь перемешались с ними. Есть предания, где рассказывается, что сотник Пам, знаменитый противник Стефана Пермского, потерпел от него поражение и ушёл со своими людьми на Обь. Поселился он на том месте, где стояли Атлымские юрты. В начале XIX века атлымские остяки (сейчас население – манси) рассказывали русскому путешественнику, что их предками были коми, пришедшие из-за Урала во главе со своим вожаком Памом, но себя они уже считали осятками. О переселении коми на Обь говорят многочисленные обские поселения-*кар*’ы. На территории этих поселений археологами обнаружены датируемые XII веком остатки строений, соответствующих типу коми изб.

Пример коми, занимавшихся теми же промыслами (охота, рыболовство), но живущих оседло, ускорил процесс оседания манси. Со временем они совсем отказались от кочевого образа жизни. Считается, что из языка коми манси позаимствовали названия для оседлого поселения – слова *горт* ‘деревня’ и *кар* ‘город’. Возможно также, что эти населённые пункты были основаны при непосредственном участии коми, которые и дали поселениям названия на своём языке. До сих пор на карте Ханты-Мансийского автономного округа значатся поселения с этими названиями, например, Карым-кар’ы, Вежа-кар’ы, Люли-кар’ы, Мули-горт и другие. На самом деле, каждое из поселений-*кар*’ов имеет своё исконное мансийское или хантыйское название, но переписчики поселений и проживающих в них душ пользовались услугами коми-толмачей, которые и давали названия в переводе на коми язык. *Кан, кун, кар, ус, вож* – возможно, в этих терминах заложены корневая основа и суффиксы древнего праязыка.

Новая волна переселения коми, теперь уже в северное Зауралье началась во второй половине XIX века. Из *сай*’е ‘за Урал’, в поисках лучшей доли начали перебираться коми-ижемцы. В письменных источниках значится, что первая коми-

ижемская семья на р. Ляпин обосновалась в 1842 году, но не исключено, что коми здесь жили и раньше.

Начиная со II тысячелетия н. э. взаимоотношения коми с манси практически не прерывались. На Нижней Оби основываются фактории, принадлежащие торговцам-коми, выходцам с территорий родановской или вымской культур. Такие поселения-фактории исследованы у поселений Шеркалы и Перегрёбное, на территории нижнесосьвинских манси.

В настоящее время манси живут в Ханты-Мансийском автономном округе (Березовский, Октябрьский, Кондинский районы) и Свердловской области (Ивдельский район) – по Нижней Оби и ее притокам Северная Сосьва с Ляпиным, в верхнем и среднем течении притока Иртыша – Конды, а также на Среднем и Северном Урале (река Лозьва, верховья реки Пелым). По данным Всесоюзной переписи 1979 года было 7434 манси, в 1989 году всего манси в СССР было 8459 чел. В Ханты-Мансийском автономном округе проживало 6600 манси (около 80% общей численности). В 2002 году, по данным Всероссийской переписи, манси было 11573 чел., их численность с 1989 года увеличилась на 36%. По данным переписи Росстата 2010 года, всего численность манси составила 12269 чел. из них 10977 чел. проживает в ХМАО – Югре.

Хозяйство и культура манси всегда зависели от окружающей среды, природных условий. Расселение в тайге, в бассейнах рек, не всегда богатых ценными породами рыб, обусловило преобладание в их занятиях охоты, особенно на копытных – лося, дикого северного оленя, косулю. Для добычи рыбы им часто приходилось спускаться вниз по Северной Сосьве на Обь. Эти же условия определили комплексность хозяйства манси.

Территория расселения манси находится в зоне тайги. Лишь на севере Урала семьи оленеводов заходят в горную тундру и лесотундровую зону. Для лесоболотной таёжной зоны характерны хвойные деревья – лиственница, ель, сосна, пихта, кедр. Хвойные леса занимают до 70% площади, из них 40% – сосна, затем – берёза, ель, кедр, лиственница, меньше – пихта, ива, липа, ольха, тополь. Сосновые и кедровые боры (беломошники и зеленомошники) встречаются на Конде, Северной Сось-

ве, Тавде, Туре. Много заболоченных лиственнично-кедровых, а также редкостойных лиственничных лесов с примесью сосны и берёзы, сосново-берёзово-темнохвойных лесов с примесью лиственницы и осины. Много и ягодных кустарников – смородины, малины, брусники, черники, голубики, шиповника, рябины, на болотах – клюквы и морошки; медоносные растения представлены медуницей, кипреем, вахтой, татарником, липой, черёмухой. Для восточных склонов Урала характерна вертикальная зональность растительности: хвойные леса предгорного пояса на высоте 600–700 м сменяются горными тундрами, где можно выпасать оленей.

В лесах водится много зверя (до 70 видов) и птицы (до 220 видов), которые питаются семенами хвойных деревьев, ягодами, травами, орехами. Это белка, заяц, бурундук, речной бобр, медведь, волк, лисица, россомаха, горностай, хорёк, соболь, ласка, куница, колонок, барсук, рысь, выдра, крот, дикий северный олень, лось; из птиц – кедровка, дятел, рябчик, тетерев, глухарь, куропатка, утки, гуси, лебеди, бекасы, дупели, кулики. Певчих птиц мало, поэтому тайга тихая и угрюмая. В смешанных лесах много змей. Обилие болот, влажный воздух, затемнение леса – хорошие условия для насекомых: комаров, мошки, слепней, мокрицы.

В реках и озёрах немало рыбы – более 40 видов: осетровые (осётр и стерлядь), лососевые (нельма), сиговые (муksун, сырок, пыжьян, щокур, сосвинская сельдь). Кроме стерляди – это проходные рыбы, которые ежегодно мигрируют из Обской губы в реки для нагула (питания) и размножения. Водоёмы богаты и рыбой местных (туводных) пород – язём, щукой, сорогой, чебаком, окунем, лещом, налимом, карасём, линём, голяном.

На территории расселения манси много полезных ископаемых. В 1953 году в районе Березова обнаружен газ, в 1960 году на Конде – нефть; газ добывается в низовьях Северной Сосьвы (Игрим) и в её верховьях (Хулимсунт, Приполярный). Построены газопровод Игрим-Серов и нефтепровод Шаим-Тюмень. Велики запасы торфа, обнаружен бурый уголь. Развивается деревообрабатывающая промышленность. Урал богат месторождениями свинца, бокситов, меди, хромитов, золота, железа, редких металлов, драгоценных и полудрагоценных камней.

Каждый народ, за очень редким исключением, живёт в окружении других народов, с которыми вступает в контакты разного рода – экономические, культурно-бытовые, семейно-брачные и т. д. Происходит процесс этнического смешения, изменение антропологических типов и усложнение антропологического состава народа, появляются заимствования в хозяйстве, культуре и языке. Заимствования, как правило, бывают взаимными, хотя далеко не всегда равнозначными. Народ, находящийся на более низком уровне развития, обычно больше заимствует у своего экономически и культурно развитого соседа. Соответственно, влияние этого последнего на жизнь данного народа оказывается сильнее, чем его собственное, встречное воздействие.

Соседями манси в XVII–XIX веках были: на западе – финно-пермские народы и русские, на юге – татары, на востоке – ханты, на севере – ненцы и ханты, на Тавде, Туре, Пельме, Конде – русские. Влияние этих народов ощущается в культуре манси. От ненцев они заимствовали оленеводство и связанные с ним элементы культуры – типы нарт, упряжи. От татар – строительную технику (глинобитные стены), типы печей, головных уборов. От русских – орудия труда, утварь, типы одежды из ткани, типы лодок, сетей, капканы, срубную технику.

ЛЕКЦИЯ 5. КАРТИНА МИРА. БОГИ, ДУХИ

По представлениям манси, окружающий мир и существующий в нём порядок были не вечны и тоже имели свою историю. Объяснение того, как возник мир и что он собой представляет, находим в мифах о сотворении Земли. Миф о сотворении мира занимает особое место в духовном наследии народа. Это – точка отсчёта, абсолютный нуль, начало начал. На этом фундаменте строится вся картина мироздания. Мифы и предания передавались из поколения в поколение и тем самым передавались знания людей об окружающем мире и опыт, приобретённый ими за длительную историю.

Мифология манси, как и у всех обществ на ранних стадиях исторического развития, была системой первобытного мировосприятия и включала зачатки донаучных представлений о мире и человеке, об истории общества, разные формы искусства, философии и религии. Поэтому нередко для исследования религии и мировоззрения манси привлекается в качестве источника фольклор, для понимания которого, в свою очередь, важны верования и обряды.

Традиционные космологические представления основаны на практических наблюдениях и географически ограничиваются собственной областью проживания и её ближайшим окружением.

Вертикальное членение мира

В религиозно-мифологических представлениях манси Космос (Вселенная) поделена на три главные космические сферы – небесную (*тõрум*), земную (*мã*) и подземную (*ëлы мã*). Они, соответственно, составляют: верхний, средний и нижний миры. В схеме более сложного вертикального деления, слои жизненного пространства могут достигать семи сфер – *Сãт нак лüлит ялтың тõрум* ‘Семи слоёв (миров) священное пространство’.

В представлениях манси Верхний мир ассоциируется с миром богов. В первую очередь – это сфера обитания главного небесного бога, который и возглавляет пантеон. Его самые известные названия *Тõрум* и *Нуми Тõрум*. Полисемантический

термин *тõрум* означает «небо», «вселенная», «край», «погода», «эпоха», «высшее существо»; *нуми* «верхний», «верховный», «южный». Его считают демиургом: якобы, по его воле была создана Земля, всё сущее на ней, в том числе и человек. В космогоническом мифе о сотворении Земли, напрямую не говорится, что *лұлы* (гагара) '[железная] птица', добывшая со дна мирового океана крупинку твёрдой почвы, которая затем увеличилась до размеров Земли, была послана *Нуми Тõрум*'ом, но она прилетала именно с неба, что и объясняет её появление как веление бога. Затем он укрепил землю, опоясав её своим поясом – Уралом. Также он является подателем дневного света, охранителем морали и миропорядка. Он достал солнце и луну, вызвал «священный потоп».

Кроме того, *Тõрум* определяет срок жизни каждого человека. Например, в сказке о *Тõрум*'е говорится, что к нему приходят мужчина (посредник) и женщина (*Калтац*), они докладывают о рождении ребёнка и спрашивают: «Какой век, какую судьбу ему запишем?» Для первого ребёнка (девочки) он ответил: «Мать видела, отец пусть не увидит – такой ей срок, такую судьбу запишите». Новорождённый ребёнок тут же скончался. Для второго ребёнка ответил: «Пусть до середины мужской жизни доживёт, такой срок запишите». Третьему же ребёнку определил: «Пусть до седых волос доживёт, до самых длинных волос пусть доживёт, дольше, чем с посохом ходить, пусть доживёт, в ногах и руках силы пока не кончатся, пусть такой век проживёт (т. е. до самой глубокой старости)».

В мансийском фольклоре о *Тõрум*'е говорится, что на верхнем небе выстроен его священный дом «с серебряным дымоходом, золотым дымоходом». Дом его полон богатства, в нём семь отделений, в одном отделении хранятся книги судьбы, куда занесены жизненные пути каждого человека. Перед домом – столб для привязывания верховых лошадей. На священном лугу с золотой травой пасутся лошади, коровы и олени. Небесный бог охотится в обширных лугах и лесах. У него есть и слуги, а также кузнецы и плотники; Крылатый (-ая) *Товлың Калм* обеспечивает быструю передачу приказов и новостей. Внешне небесный бог – седой старец в сияющих золотом одеждах. Сидя на

небе на золотом стуле, он держит в руках посох с золотым набалдашником и наблюдает в дыру за жизнью на земле. Его глаза, подобные восходящему солнцу, величиной «с Обь, с море», его уши «величиной с лист кувшинки, как уши чёрной дикой утки с тонким слухом».

Нуми Тõрум считается создателем и населения Земли. Создав человечество, он удалился от дел, передав управление людьми одному из своих сыновей *Мир Суснэ Хум'у* 'людей охраняющий (смотрящий) мужчина'. *Мир Суснэ Хум* – седьмой ребёнок *Нуми Тõрум'а*, о нём имеется множество мифов и легенд. По одной из версий, он родился между небом и землёй, когда, после очередной ссоры *Нуми Тõрум* столкнулся с небесную свою жену, и пока она падала с неба на Землю, родила сына.

К сфере Верхнего мира относятся, помимо *Нуми Тõрум'а*, его предки – отец *Корыс* и дедушка *Оньль*, обитатели шестой и седьмой сфер Космоса. Для простого человека они недостижимы, люди к ним обращаются только в исключительных случаях, и то через посредников, коими являются высшие духи, в том числе и *Нуми Тõрум*.

В мифах о творении совместно с создателем *Нуми Тõрум'ом* выступает образ *Тõрум Щãнь*, её называют Богиня-мать, Небесная мать, Бога (богов) мать. Хотя в мифологии ей приписывают роль прародительницы всех людей (жителей земли), но место её обитания – верхний мир, мир высших духов-богов. К ней не обращаются в силу её недостижимости для человека. К этому миру относятся и светила – *Этпос õйка* 'Ночной свет-старец' и *Хõтал эква* '[День] Солнце-женщина'. Солнце олицетворяет жару, а месяц – холод. В мансийской мифологии они живые существа, имеют человеческое подобие, иногда выступают как супружеская пара.

В триаду главных божеств входит *Калтац эква*, в мифах она выступает то как жена *Нуми Тõрум'а*, то как его сестра. Обитает она в среднем мире (на земле), куда после ссоры за проступок была сброшена *Нуми Тõрум'ом*. В мифах о первоначальных временах говорится, что она своим дыханием оживила людей и выпросила для них у неба пищу. Одной из главных её

функций по-прежнему остаётся – вдыхать (давать) *лылы* ‘душа, жизнь’ в каждого вновь появляющегося младенца, она также отсчитывает его годы жизни, делая зарубки на священном посохе, и определяет его судьбу.

Здесь же, в среднем мире, обитает *Най̄ эква* (*Най̄ ц̄ань*) ‘Богиня огня (огонь-мать)’. Небесные светила почти не фигурируют в верованиях, а божество огня, наоборот, занимает в религиозных верованиях весьма значительное место, но фольклорных произведений о нём немного. Персонификация огня проявляется уже в его названии – «Огонь-мать». С огнём обращались почтительно и заботливо, для него делали угощение и приносили жертвы. С помощью огня угадывали будущее, на нём клялись, огнём или дымом отпугивали злых духов. В фольклоре огонь фигурирует, главным образом, в космогонических мифах. Например, *Нуми Төрүм* спустился на Землю, чтобы добыть тепло. Тепло исходило из камня, и когда он разломил камень, откуда появилась *Най̄ эква* ‘Женщина-Огонь’. *Нуми Төрүм* научил людей разводить огонь, дал им котлы и научил их готовить пищу. Представления о вечности огня (невозможности его уничтожить), образ жидкого огня (огненного потопа) связаны с концом света.

Жизнью людей управляет *Мир Суснэ Хум* ‘Людей охраняющий (смотрящий) мужчина’, младший сын *Нуми Төрүм*’а. У манси этому образу отводится особая роль. Его мифологические и культовые имена: *Т̄а̄рыг-П̄с̄ц-Нималя-Сов*, *С̄орни ̄отыр* ‘Золотой богатырь’, *С̄орни х̄он* ‘Золотой владыка (царь)’, *Отыр* ‘Богатырь’, *Мастерко*, *Лунт-̄отыр* ‘Гусь-богатырь’ с эпитетом ‘Золотой’ [Богатырь в образе гуся], *Лувуң хум* ‘Всадник’ [мужчина, имеющий лошадей]. В качестве эпитета чаще всего встречается северомансийское *Мир Суснэ Хум* ‘За миром наблюдающий человек’. Сказочное имя этого героя *Эква Пыгрись* ‘Бабушкин внук’ (‘Тётин племянник’). В верованиях и обрядовой поэзии он выступает как всадник на белом крылатом коне, объезжающий земли на высоте «с идущими облаками, с бегущими облаками», это «царь идущих облаков». Когда он спускается на землю, под ноги коню нужно ставить серебряные тарелочки; по

этому элементу образ *Мир Суснэ Хум*’а связывают с солярным культом. Его зооморфный облик, в котором он выступает и в фольклоре, и в верованиях – речной гусь.

В мифах он предстаёт перед нами как культурный герой, которому приписывается инициатива творения Земли, создание человека, обучение промыслам, другим важным занятиям и навыкам. В одной из версий мифа есть сюжет, где *Нуми Тõрум* создал мир, который отождествляется с Сибирью. У него уже есть сын, который спрашивает у отца, не может ли он создать посреди океана холм, на котором он мог бы уместиться? Сын отхаркивает слизь, которая и становится основой Земли. Но тут творец видит нечто, всплывающее и вновь тонущее. Это оказался *Куль*, несомый ветром. Тогда мальчик выпускает своих помощниц – двух гагар, которые и разрывают *Кул*’я. Затем мальчик решает отправить птиц на поиски настоящей земли: одна из них скрывается под водой почти семь лет (без семи месяцев) и не достаёт земли, другая выныривает через семь лет и стряхивает со своих крыльев каменистую землю. Другой миф продолжает историю творения мира сыном *Нуми Тõрум*’а. На это раз он вновь использует свою слизь, и из неё появляется «волосатый червь, волосатая змея». Из червя появился первый человек, который вырос под дождём и ветром. Ему встретилась женщина, которая назвала себя ползущей (значит, имела отношение к змеям – хтоническим существам) и рассказала, что вышла из расколовшейся чёрной земли. Он был первым охотником на лося, создал полезные растения и животных, велел птицам прилетать на север. Главенство над старшими братьями *Мир Суснэ Хум* получает, когда он, совершив свои подвиги, первым предстаёт перед *Нуми Тõрум*’ом.

На земле также пребывают: первопредки – дети *Нуми Тõрум*’а, духи-покровители территориальных групп; духи-покровители родов и отдельных семей; лесные духи – *м̄ңквы* и *мис м̄ахум* (в мужской ипостаси *мис хум*, в женской – *мис н̄э*); духи воды, гор и т. д. Из природных явлений почитанием пользовались *вõт* ‘ветер’ (хулиган и озорник *М̄янь вõт* ‘Молодой (юный) ветер’ и грозный *Луйи вõт* ‘Северный ветер’), а также

Тõрум Сяхыл ‘Бог-гром’. Одним из значимых является и водный дух или «водяной царь» *Вит хõн*. Из фольклорных текстов известно, что в воде у него город, населённый многими жителями, и имеются дети; на его дочери женится культурный герой, который соревнуется в хитрости с сыновьями водяного царя. Водяной дух, как и лесной, вездесущ, т. е. может обитать в любом водоёме, но в ритуальной практике чаще всего обращаются не к нему, а к его дочери *Вит Хõн Аги*.

Нижний мир – мир мёртвых, царство болезней и смерти. К существам Нижнего мира относится возглавляющий его *Куль Отыр* (в одних мифах он брат *Нуми Тõрум*’а, в других – его сын) и подчинённые ему – духи, насылающие болезни и смерть. В космогонических мифах он выступает то как партнёр *Нуми Тõрум*’а, то как носитель враждебного людям начала. В мифах творения *Куль* противостоит *Тõрум*’у: выпрашивает у него и прячет светила, вредит при создании людей, соблазняет их на нарушение запретов и указаний *Тõрум*’а, создаёт вредоносных животных и т. д. Он забирает в своё царство тех людей, которых обрёл на смерть *Тõрум*. По одним данным, *Куль* сброшен отцом с неба, по другим – родился под землёй. У него есть большой город, золотой дом, дети. Он может быть водяным и лесным чудищем. *Куль* не только всеобщий дух, но является и местным духом-покровителем для манси деревни *Я-Сунт-Павыл*.

Мифологическая пара демиургов-творцов

Действия творца-создателя уравниваются, как правило, противодействием его двойника-антипода (обычно близнеца-брата), который либо разрушает созданное его братом, либо создаёт нечто прямо противоположное. Оба брата являются творцами и существуют изначально. В мансийской мифологии – это бог Верхнего мира *Тõрум* и бог нижнего мира *Куль*. Первый – творец всего положительного, созидательного: порядка, света, тепла, социальных норм, брачных правил, ценных пород животных и растений и т. п. Второй – творец всего отрицательного, разрушительного: беспорядка, тьмы, холода, антисоциальных действий, кровосмешения, хищных животных и насекомых-паразитов.

Сам процесс творения – это сотворчество. Например, дуалистический миф рассказывает о том, как была сотворена первая человеческая пара (о создании человека подробнее будет сказано ниже). *Куль* пришёл к *Тõрум* 'у, тот сначала выгнал его, а потом пожалел об этом и вернул назад – потому как у *Куля* было много всяких мыслей по поводу творения. *Куль* угадал, чего хотел *Тõрум* – создать людей, но у него не было чёрной земли. Тогда *Тõрум* послал *Кул* 'я за чёрной землёй. Когда он принёс землю, *Тõрум* разделил её на две пригоршни, а потом нарисовал на бумаге мужчину и женщину. Творец разжал ладони, и из земли появилась первая человеческая пара. *Куль* решил повторить творение – сжал пригоршню земли, но когда разжал руку, появилась ящерица. Тогда он тоже нарисовал людей, но опять из одной руки у него выполз жук, из другой – жаба (лягушка). Рассердившись, он поднялся на небо в то время, когда *Тõрум* был на земле, и подкупил шкурой стерегущую людей собаку, а потом оплевал и покрыл слизью тела первой пары, вывернул людей наизнанку – и вот, с тех пор они болеют и кашляют, а собаку *Тõрум* так и оставил с её шкурой от *Кул* 'я (поэтому говорят: язык у собаки чистый, а шкура – поганая).

Мир творится и развивается благодаря соперничеству, конфликту, взаимодействию полярных сущностей, демиургов. Если первый создаёт материальные и духовные ценности, социальный порядок и культурные традиции, то второй своими действиями постоянно разрушает или отрицает их, но тем самым он побуждает своего «положительного» брата создавать новые ценности, новый порядок, новые традиции. И действительно, новое всегда возникает путём отрицания или разрушения старого: порядок возникает из хаоса. *Тõрум* и *Куль* – две противоположности, необходимые друг другу, их противодействие приводит мир в движение. Каждый из творцов получает свой мир, один именуется верхним, другой – нижним, т. е. крайние точки предела мира. Это соответствует мировоззрению манси – мир должен быть завершённым, отструктурированным и гармоничным, Вселенная не может быть бесконечной, беспредельной. Поэтому, в представлениях манси, окружающий мир выступает целостным и упорядоченным в отношении всех явлений, объектов; в нём определено и

место человека. Но целостность мира двойственна, поскольку выстроен он на оппозиции – порядок (*добро, свет*) и хаос (*зло, темнота*) – «крайние» предельные качества времени и пространства. Например, небо – земля (верх – низ), холод – тепло (зима – лето), ночь – день (темно – светло), смерть – рождение, сакральное – обыденное, мужское – женское, свой – чужой и т. д. Каждое из этих противоположных явлений не может существовать отдельно, они зависимы друг от друга. Чтобы объяснить их природу, и был придуман мотив «вечной» вражды небесного бога и его антипода, борьбы, которая никогда не приводит к окончательной победе одного из соперников. Так кодируется в мифе идея единства и борьбы противоположностей.

Небо с Землёй и Земля с подземным миром соединяются отверстием. В качестве примера можно сказать об особом отношении к мансийской деревне Ломбовож. По наличию святилища *Тõрум кан* и представлениям, связанным с поклонением небесному богу *Тõрум* у, манси называют Ломбовож как *Тõрум-Лёңхсўнт-пāвыл* ‘поселение [у] основания [дыры] дороги бога’; *Тõрум пōйкшан пāвыл* ‘поселение, где обращаются с просьбами богу’; *Яныг пурлахтын мā* ‘священная для угощения [духов-богов] земля’. На этой земле *няйт мāхум олэгыт* ‘особо почитаемые люди проживают’, их ещё называют *Тõрум кол āви сўнт ўрнэ мāхум* ‘люди, охраняющие дверь входа [в] дом бога’ (или в небесный мир). По преданиям, охранителями дороги и входа к богу являются трое мужчин, они же хранители священного места. Здесь имеется и лестница, по которой можно пробраться на небо. Отверстие для связи Земли с подземным миром проделал своим посохом хозяин подземного мира. Через это отверстие, якобы, попадают на Землю кровососущие (комары, мошка, оводы, мокрица и т. д.).

Посредничество между космическими зонами осуществляют культурный герой – младший сын *Тõрум*’а и крылатый (-ая) *Калм*. Но как видно из вышеизложенного материала, способность проникать из одного мира в другой имеют все главные божества и духи мансийского пантеона.

Горизонтальное членение мира

Наряду с вертикальным членением мира в мифах и верованиях имеется и горизонтальное. Герои – посредники между мирами путешествуют и в горизонтальном, и в вертикальном направлении. На юге, в полуденной стороне, находится *Мёртым ма̄* – некая своя земля предков, но так давно оставленная, что уже считается в другом измерении (не измерить). Здесь живёт чета старцев – *Мёртым эква* и *Мёртым ойка*. Туда прилетают на зиму перелётные птицы, которые становятся красивыми, когда их пропустит между колен *Мёртым эква*. Старики оживляют птиц, погружая их кости и перья (пух) в озеро с живой водой, в нём они периодически омолаживаются и сами. Вход в *Мёртым ма̄* загораживает камень и железный перевес. Север отождествляется с нижним миром – миром мёртвых. По бытующим воззрениям северных манси, душа умершего уходит вниз по реке в море, где у мыса *Хоманёл* букв. ‘мыс земли человека’ находится отверстие в нижний мир. Посреди моря имеется земля *ца̄рыц тапал ма̄*, где живут души мифологических существ *м̄н̄кв’ов*.

Горизонтальное устройство мира мыслилось также и в виде реки, имеющей истоки, в ней выделялись *я талых* ‘верховье реки’, среднее течение и устье *ёлы* ‘низ’. Её прообразом выступала, скорее всего, Обь. Истоки реки, которые находились на юге, ассоциировались с Верхним миром. Среднее течение представлялось как область проживания людей, как жизненный мир, а низовья реки, расположенные на севере, воспринимались как Нижний мир – место пребывания умерших. Горизонтальная модель мира была понятна коренным жителям Приобья (в т. ч. нижнесосьвинским или обским манси). В соответствии с ней они воспринимали и окружающее их пространство. Проживая по берегам больших и малых рек, они рассматривали их верхнее течение как Верхний мир, и здесь у них всегда находилось священное место, а нижнее течение как – Нижний мир, где они и устраивали кладбища.

Вертикальная трёхчастная модель мира делила Вселенную на три космические зоны: небо, землю и подземный мир. Мифо-

логические персонажи, обитающие во всех трёх мирах, чаще предстают в качестве общих обско-угорских духов, возвеличенных до статуса божеств. Они состоят между собой в родственных связях и образуют настоящий языческий пантеон.

Сверхъестественные существа (духи)

К. Ф. Карьялайнен различает две большие группы духов: привязанные к местности (семейные, поселений, родов; они насыщены реальной местной топонимикой) и не привязанные к местности (всеобщие) духи.

Местные духи по сфере влияния и почитания разделяются на родовые (или более крупная общность), домашние (почитаемые отдельными семьями) и личные (почитаемые одним членом семьи – мужчиной или женщиной).

Домашние или личные духи считаются самыми слабыми по силе. Они обычно имеют антропоморфную форму и похожи на небольших куколок. Изготавливаются из ткани, основой может служить фигурный камень либо кость, а чаще дерево или металл. Жилищем домашних духов и местом хранения прикладов (подарки для духа) служит небольшой сундучок или сосуд из бересты. Хранятся они на священной полке у задней стены дома или на специальной полочке в священном углу.

Задача домашнего духа – оказание помощи и содействия своему хозяину в промыслах. К нему обращаются с просьбами о семейном счастье, успехе, здоровье и благополучии всех домочадцев. Власть домашнего духа не слишком велика, и к сфере его влияния относятся, главным образом, небольшие повседневные занятия. Если нужна помощь в более важных жизненных ситуациях, то её следует искать у духов более высокого ранга.

В прошлом в каждом поселении существовал специальный дом *яныг кол* ‘большой’, ‘главный’ ‘священный’, где хранились изображения духов, не являющихся личной собственностью хозяина дома или членов его семьи; они представляют собой родовых (местных) духов, почитаемых всем родом. Наиболее важными и заметными сторонами культа местных духов является использование их изображений. Были изображения как мужских, так и женских фигур. Число изображений очень значительно.

Более мощное содействие во всех случаях человеку оказывают множество помощников и защитников. Важнейшими из них являются родовые и местные духи, они живут повсюду, где поселился или ходит за добычей человек – по берегам рек, больших озёр, на высоких горах и холмах, на примечательных островах, среди болот, на важных жилых местах или вблизи них.

Их основная обязанность – помощь в добычании средств пропитания, т. е. в охоте, рыболовстве и оленеводстве. Не менее важна и другая часть их обязанностей, а именно, обеспечение счастья и благополучия: они должны давать здоровье и детей, сглаживать жизненный путь своим почитателям. Деятельность и способность помочь каждого местного духа охватывает гораздо более широкий круг людей, чем какого-либо домашнего духа.

У отдельных духов есть определённая «специализация», т. е. одни дают главным образом дичь, другие охраняют оленьи стада и т. д. Есть и вредоносные духи, например, дух болезней *Хуль*, с ними тоже нужно уметь договариваться. Отношение к духу чрезвычайно просто, и человек считает себя вправе наказывать его, если дух недостаточно усердно исполняет просьбы. Чтобы умиловить духа, к нему следует относиться соответственно: приносить подарки, не называть обидными словами, не оскорблять местожительства духа.

Наряду с местными духами, привязанными к определённой территории, имеется и другая многочисленная группа мощных духов-существ, которые, так или иначе могут быть одновременно везде, их определяют как – всеобщие. Они не имеют особого, территориально ограниченного, «постоянного» местожительства или сферы влияния. Таких духов тоже множество, и их происхождение различно, обязанности очень разнообразны, и отношение к ним человека с самого начала иное, чем к местным духам. К всеобщим духам относятся хозяева леса, водных просторов – от их милости или немилости зависят важные промыслы – лесная добыча (охота) и рыболовство, духи Неба и духи Нижнего мира.

По представлениям манси, наиболее выдающиеся духи-предки – это *най-отыр* 'ы, букв. 'героини-богатыри', их души не погибают, а продолжают «жить» и покровительствуют людям,

являясь для них духами-покровителями (духами-охранителями). Люди, в свою очередь, величают их «святыми покровителями», тысячелетиями хранят память о них и почитают так, как это предписано ими самими (*нāй-ōтыр* 'ами) в преданиях, призывных и героических песнях. В фольклоре священные городки и духи описываются обычно с постоянными для них эпитетами, так что каждый слушатель знает, о каком духе идёт речь.

В системе верований манси вера в духов играет доминирующую роль, поскольку мир духов находится ближе к человеку и представляется посредником между миром богов и миром людей.

ЛЕКЦИЯ 6. ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЮДЕЙ

О происхождении Земли, появлении на нём человека и животных рассказывают мифы и предания. Как правило, они включают в себя несколько вариантов сказаний, среди которых можно обнаружить как ранние, так и более поздние по времени их появления. Существующий общий для манси космогонический миф о сотворении Земли несёт огромную смысловую нагрузку, но его нельзя воспринимать как единый мифологический «гипертекст» поскольку он состоит из локальных вариантов.

На каждой территории проживания родственных групп манси существовала своя редакция мифологической картины мира. Каждый её вариант «приземлён» и насыщен реальной местной топонимикой, природным окружением (элементами ландшафта, чертами климата, способами хозяйственной деятельности). Так, тексты, записанные Б. Мункачи в 1889 году на р. Ляпин (северная группа манси), А. Каннисто в 1904 году на р. Конда (южная группа манси), А. Баландиным в 1937 году на р. Обь в Вежакарах (нижнесосьвинская группа манси), почти дословно совпадают в первой части, а далее следуют локальные варианты изложения мифа.

Тем не менее, во всех существующих вариантах явственно прослеживается идея о сотворении мира, о начальном его времени. При этом ни в одном из мифов нет ответа на вопрос: что было до сотворения мира? Многие тексты в мифах кажутся непонятными и не связными между собой. Они требуют некоторой мыслительной работы (конструкций), которая не связана с персонажами и событиями мифа, но даёт возможность отыскать некие закономерности и соразмерности в мире. А. М. Сагалаев из анализа материалов по многим народам Сибири делает такой вывод: миф действительно ничего не объясняет слушателю, но он показывает единственно возможный вариант начала всего сущего. Он расставляет в исходные позиции фигуры будущей мифологической «игры»: верхнего и нижнего богов, первых людей на земле и персонажей, связующих все сферы мироздания. Тем самым миф задаёт правила игры. Все последующие собы-

тия мифологической «истории» и позднейшие мифологические сюжеты будут возможны только в пределах обозначенной им схемы. В этом заключается гармонизирующая функция космогонического мифа.

На территории проживания манси существует сакральное мифологическое сказание «*Ма̄ тэлум ялпын мōйт*» «Священная сказка о возникновении Земли». Её тематическую и художественную основу составляют предания, мифы, легенды о наиболее важных событиях мифологического времени. Существуют его версии в стихотворном варианте и прозаических пересказах.

Мансийский фольклор сохранил фрагмент мифа о творении, когда земля находилась под толщей мирового океана, и её достают (без божественного повеления) птицы. В течение двух дней с неба поочерёдно появляются две птицы – железная гагара (манс. *кѣр тѣхт*) и железная лўлы (манс. *кѣр лўлы*). Они ныряют в воду, чтобы найти (достать) землю. Лишь с третьей попытки вынырнули птицы с землёй в клюве. Первая, с крупницей земли в клюве улетела сразу обратно на небо. Вторая принесла в клюве кусочек земли чуть большего размера и с клюва мазнула землёй угол дома, который располагался на торфяном клочке посреди безбрежной воды. Они так долго находились под водой, что от выдоха у одной лопнул зоб, у другой лопнуло на макушке; с тех пор имеются гагарки с красным зобом и с красной макушкой головы (этиологический миф об окраске птиц подтверждает истинность мифа).

Наблюдения: в орнитологии лўлы ‘краснозобая поганка’ – самый маленький по размерам вид семейства гагар, может глубоко нырять и в отличие от других водоплавающих имеет особое строение конечностей (лапки у неё растут как ноги), поэтому она приспособлена ходить по дну. Имея маленький клюв, она действительно может захватить только крупинку земли. Её мясо в пищу не годится, поэтому её не добывают.

Принято считать, что наиболее архаичными являются те мифы, в которых в качестве исходной космической стихии фигурирует вода. Именно вода в большинстве вариантов мифов первой выделяется из первоначального хаоса. Хаос представляет собой безграничное водное пространство – «*кол китпал-нупыл акв*

мус вит, ма̄ а̄тим» ‘со всех сторон дома сплошь вода, земли нет’. Со дна этого пространства самостоятельно (или какой-либо птицей-ныряльщиком) поднимается кусочек (*сяхл*) земли-суши, которая, разрастаясь, превращается впоследствии в родовую территорию. На ней чудесным образом появляется первопредок. В различных мифах варианты могут быть разными, но вода, земля, огонь и воздух всегда лежат у истоков мироздания. Вода и огонь являются, как правило, и конечными состояниями мира, когда наступает конец света и мир снова погружается в хаос, чтобы дать начало новому миру, лишённому недостатков (грехов) прежнего. Прежде всего, эти наблюдения выражены в повествованиях о Великом потопе и Мировом пожаре, или о том и другом вместе, где огонь символизирует очищение от скверны и искупление грехов, а вода являет собой начало новой жизни.

Каждое новое время в истории человечества начинается с «вселенского катаклизма», чаще всего с потопа, который несёт погибель (*ўсыл*) всему живому, в том числе и человечеству, и послепотопного раздела земель. В мансийских мифах огненный смерч и водный потоп являются нераздельными: *ялтың сякв олум, исум вит капай*» ‘священная вода была, громадная горячая вода’. Например, в сказании о возникновении Земли имеются сведения о некогда прошедшем подобном событии: «...что же грохочет? – Это шумит огненная священная вода; Божьего огня одна половина на небе полыхает, другая половина с двух краёв неба полыхает, и земля и небо – всё горит». В предании «О большой огненной воде» говорится, что однажды поднялась *исум вит капай* ‘горячая громадная (гигантская) вода’. Вода была не просто горячей, а огненной, поскольку она не только затопила землю, но и сожгла всё на своём пути, почва окрасилась в красный цвет (цвет охры). Огненная вода оставалась недолго: *акв пўт пайтнэ сысн хулигл̄а̄тыс*, т. е. всего на время, в течение которого успеет свариться один котёл (мясного бульона).

Свидетельства последствий огненного смерча: встречающийся красный песок и красный слой земли в обрывах берегов рек. По обрывистым берегам рек и горам с крутыми склонами, не прикрытыми почвой, можно увидеть самые разнообразные окаменевшие раковины. Встречаются большие скопления рако-

вин аммонитов – одной из крупных групп головоногих моллюсков. По берегам горных рек (например, в районе Саранпауля) часто можно встретить так называемые «чёртовы пальцы», или «громовые стрелы»; это наиболее прочная часть раковины белемнитов – отдалённых родственников современных кальмаров. Легенды и предания, связанные с происхождением многих оронимов Урала, свидетельствуют о времени Большой воды (*Ялтын щăкв*), когда только отдельные горные вершины оставались видны над поверхностью воды.

Земля сначала находилась также глубоко под водой, однако на её поверхности плавал торфяной клочок *тунра щакыл*, на котором стоял домик. В нём жили муж и жена (откуда появились, не сообщается). Земля постепенно начинает расти и растёт кругом так, как расходятся волны от упавшего в воду предмета. О круглой форме Земли, её росте и вращении жене и мужу докладывает белый ворон – их «внук». Земля первоначально была лёгкой и неустойчивой. По одной из версий, земля укрепилась и перестала качаться после события, когда «однажды она семь дней грохотала, появились каменные горы». По другой версии, посредством спуска *Тõрум*’ом с неба на землю своего украшенного тяжёлыми пуговицами пояса. Земля глубоко осела в воду и стала неподвижной.

В контексте представления о цикличности времени торфяной клочок (холмик) является символом или точкой отсчёта времени. По представлениям манси, земля должна быть «живая», т. е. должна дышать (быть пористой), у неё должны быть кровеносные сосуды – реки, расти волосы – трава, кустарник, деревья и т. д. В данном случае «живой» земле противопоставляется дихотомическая оппозиция – «мёртвая» земля. Торфяной клочок, символ неживого, заболоченного, непригодного для изготовления и жизни человека (по одному из мифов, человек был слеплен из глины). Для создания, или начала жизни пришлось птицам гагаре и *дулы* достать частичку (крупинку) земли, оживить её, смешав с собственной кровью, и прикрепить к углу домика на торфяной кочке, т. е. поверх торфяника. После этого земля разрослась.

Наблюдения: манси различают два слоя земли – древний и более поздний. Первый слой – это торфяник (тундровая, заболо-

ченная, зыбкая земля) чёрного цвета, он остался со времени потопы. Позднее появился слой земли, пригодный для жизни человека.

Священная территория и святилище – это место поклонения богам и духам-покровителям. В сфере культа «священным городкам» соответствуют специальные жертвенные места и святилища. Их выбирает сам *Нуми Тõрум* или отправленный им с Верхнего мира *пупыг* ‘дух’. Пригодные для жизни человека места *пупыг* оставляет, если даже и приземляется там на какое-то время. Впоследствии такие поселения люди называют: *Пупыг пāвыл* ‘(его) *пупыг*’а деревня’, или *Пупыг-Исум пāвыл* ‘деревня, где приземлялся (спускался) *пупыг*’, или *Пупыг-Я-Сунт пāвыл*. Самое важное, что необходимо увидеть духу: «где земля кружится, где вода кружится»; на такое место и падает его выбор. Выбрав *яныг нӯрлахтын мā* ‘главная (священная) земля для угощения (богов)’ и в первую очередь *Тõрум кан* для самого *Нуми Тõрум*’а, он (*пупыг*) улетает обратно вверх (на небо). *Тõрум кан* – святилище особого ранга: «*Пӯрлахтын кан*, *Тõрум кан* называют иногда просто *кан*, где обряд проводится только при участии мужчин. Там молятся выдающимся духам-предкам мужского или женского пола. Приглашают духов угощаться на устроенный для них пир (*нӯри*)».

Спуститься с небес – это обязательный момент при выборе места «обитания» на Земле богами и духами-покровителями высшего ранга. Например, *Калтац* – жена *Нуми Тõрум*’а – была им сброшена с неба; своих шестерых детей он сам спустил, а его седьмой сын *Мир Суснэ Хум*, получивший право смотреть (наблюдать) за всеми людьми, был рождён между небом и землёй, во время падения (спуска) богини *Калтац*. В этом и кроется тайна местоположения *ӯс*’ов – священных, культовых мест и территорий; их выбор определяется пересечением небесных и земных путей там, где «земля кружится, вода кружится», т. е. где обнаруживаются вихревые потоки. Такое место по своей энергетике не пригодно для жизни людей. С другой стороны, именно в таких топоментальных центрах возможно взаимное общение человека с посланниками бога или духами-покровителями. (Возможно по этой же причине, в период христианизации Сибири церкви старались возводить на разорённых языческих капищах).

На территории проживания манси было довольно много священных мест. Одни из них расположены рядом с поселением, другие – в отдалении. Некоторые священные места содержались в такой тайне, что даже не все почитатели посещали их. Чаще всего святилища находились в местах, каким-то образом выделяющихся из окружающего ландшафта: на возвышенностях, островах, высоких берегах и т. д. К священным местам относились с почтением, уважением и страхом. Здесь запрещалась любая хозяйственная деятельность, так как растения и животные считались собственностью местного духа. Всякий проезжающий должен оставить ему дар. Многие святилища были запретны для женщин, но существовали и специальные женские священные места, где запрещалось пребывание мужчин.

Для семейной обрядности приемлемы представления о вертикальном и горизонтальном строении мира, которые отразились в делении дома как Космоса на особые зоны.

Мифологические картины мира неоднократно менялись вместе с изменением образа жизни людей, но благодаря особым географическим и экологическим условиям Западной Сибири эти очень архаичные традиции долго, на протяжении тысячелетий, почти без изменений сохранялись в культуре манси.

ЛЕКЦИЯ 7. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Сначала Земля была зыбкой и качалась, тогда *Нуми Тõрум* ‘Верхний бог’ спустил с неба на землю свой украшенный тяжёлыми пуговицами пояс. Земля глубоко осела в воду и стала неподвижной. На том месте, где лёг пояс, теперь Уральский хребет, самая середина Земли. Когда Земля укрепилась, на ней должны были появиться люди, и *Нуми Тõрум* принялся за создание населения Земли. Первые созданные им люди – богатыри-*õтыры* вели себя недостойно, постоянно ссорились и воевали друг с другом. За неподобающее поведение *Нуми Тõрум* был вынужден их уничтожить, сначала он наслал на них огненный, а затем водный потопа. Вторая попытка также была неудачной. *Нуми Тõрум* позвал *Танал Ойк’у* и приказал ему сотворить людей. *Танал Ойка* вырубил из лиственничных стволов семь человеческих фигур, но у него получились великаны-*мсõкв’ы*. После того как *Нуми Тõрум* вдохнул в них жизнь, они сразу же убежали в лес. Не понравились богу и существа, созданные из сердцевин лиственных стволов, оплётённых корнями – бог уничтожил собственное творение. Наконец, *Нуми Тõрум* взял прутья тальника (вербы), сплёл из них скелеты и покрыл глиной. Затем положил скелеты перед собой и дунул, чем пробудил их к жизни. С этого времени начинается эпоха человечества.

Самая известная версия мифа о сотворении человека, где сестра (жена) *Нуми Тõрум’а* – *Ёлы Тõрум Шцань* ‘Мать Нижнего Мира’, посоветовала богу создать людей – ведь Земля была уже укреплена на поверхности океана. По велению *Нуми Тõрум’а*, их сын *Полум Тõрум* вырезал первых людей из прочной лиственницы, но хозяин нижнего мира *Куль Отыр* подговорил *Полум Тõрум’а* поменять их на глиняных людей. В эти глиняные фигурки богиня *Калтац* вдохнула души, которые передал ей отец *Карыс Тõрум*, обитатель самого верхнего мира. Так человек стал живым, «живой душой», но из-за непрочности глины люди подвержены заболеваниям, тонут в воде, а в жару из них выступает влага – пот. *Нуми Тõрум’у* было запрещено присутствовать при

таинстве дыхания души, и с тех пор, мужчины не присутствуют при рождении ребёнка (человека).

Имеется вариант мифа, который следует понимать так, что люди – это потомки детей *Нуми Тõрум* 'а. В нём говорится, что дети *Нуми Тõрум* 'а подросли и стали оспаривать деяния отца, и он в наказание за неподчинение спустил их с небес на остров, находившийся посередине тёплого моря (озера). Один из братьев вызвал Северный ветер, море покрылось тонким слоем льда, и они выбрались на сушу, затем разошлись по разным уголкам земли и там положили начало жизни. В этих землях их почитают как родоначальников и хранителей земли, а также как духов-покровителей сообществ людей, объединённых сознанием единства происхождения. В большей мере это относится к северной группе манси, так как территории «дислокации» детей (пять сыновей и одна дочь), разошедшихся от места их спуска отцом *Нуми Тõрум* 'ом, соответствуют территориям проживания различных диалектных групп северных манси. Это пельымские (*Полум Тõрум*); верхнесосьвинские (*Нярс Най Эква*); среднесосьвинские (*Тягт Котиль Ойка*); нижнесосьвинские, обские – (*Аяс Ойка*); сыгвинские, ляпинские (*Нёр Ойка*) и тегинские (*Тэк Отыр*); в настоящее время на тегинской территории проживают ханты.

Из данных представлений следует, что в человеке соединены материальное тело (прутья тальника, глина) и нематериальная духовная часть (душа), которые имеют как земное, так и небесное происхождение.

В литературе по верованиям манси вопросам представлений о душе уделено достаточно внимания. Манси верили, что всё в природе – сам человек, животные, растения, вода в реке, гром, молния и т. д. – обладает не только внешней оболочкой, но и особенной жизненной силой – душой. В то же время, согласно имеющимся сведениям, представления о душе оказываются весьма сложными и расплывчатыми.

В наиболее общей форме представление о сущности человека у манси сводится к следующему: человек состоит из тела и нескольких душ. У мужчин этих душ пять, у женщин – четыре, причём все они имеют разную степень «материальности».

Душа как жизненная субстанция представляется различным, но особенно ярким признаком живого человека является то, что он дышит, что в него и из него исходит дыхание. С уходом из тела жизненных сил прекращается дыхание – это первый признак, по которому определяют, что человек умер. С этим признаком связано представление о первой душе – *лылы* ‘душа-дыхание’.

Можно сказать, что душа *лылы* – это способность, сила, отличающая живого от мёртвого, и видимым признаком этой силы является дыхание. Местонахождением души или средоточием жизненной силы человека считаются голова и волосы, представляют её в виде птицы. Например, в одной из героических песен манси рассказывается, что у погружённой в воду княжеской дочери стремится освободиться «*лылы* зяблика, *лылы* сойки». Лишиться волос означает потерять силу, этим можно объяснить существующий у манси запрет бросать, где попало, и стричь волосы. С этим же представлением связан известный по фольклорным источникам обычай скальпирования врагов.

Финский исследователь А. Каннисто предложил концепцию о жизненных силах вогул (манси), основанную на фольклорном и этнографическом материале, собранном в начале XX века. В книге «Материалы по мифологии вогул» автор приводит множество примеров в пользу того, что вогулы (манси) имеют представление о *лылы*; первоначально это означало «дыхание», но в процессе развития получило значение личности. Душа-дыхание является реинкарнирующей, по истечении определённого срока она возрождается в новорождённом.

Но почти также широко распространено представление о существовании у человека наряду с этой душой-дыханием второй души – персонифицированной, воспринимаемой в более определённой форме и называемой обычно душой-призраком или душой-тенью *исхор* (*ис хури*), которая понимается как внешность человека. Это тоже не произвольный образ фантазии, он основан на повседневных наблюдениях. Когда человек засыпает или по какой-то причине падает в обморок, то у него не исчезает ни тело, ни дыхание, но всё-таки ему не хватает чего-то такого, что было в нём, пока он бодрствовал. Иногда человек видит нечто и в полном созна-

нии, например, в сумерках могут пригрезиться таинственные фигуры-существа или силуэт человека и многое другое, что таит в себе таинственное и необъяснимое.

Появление *исхор*'а предвещает смерть данного человека. Значение данной души разное, например, по Гондатти, это «тень» человека, идущая после его смерти в мир мёртвых, по Мункачи, это слово обозначает блуждающую душу или призрак покойного, но вместе с тем и призрак, отражение, тень (дерева, дома и др.). Душа-тень, могильная душа идёт в могилу после смерти человека, но может и покинуть тело умершего, вернуться в дом и увести с собой живую душу. По сути дела, она есть образ умершего или, скорее, покойника, вернувшегося из «нижнего мира». После исчезновения материальных останков тела она либо исчезает, либо превращается в жука.

Согласно верованиям манси, загробный мир находится на севере, вниз по реке. С этим связано представление о третьей душе – «уходящей вниз по реке». Она живёт в голове людей, покидая их во время сна, она представляется в виде птицы или комара. Если она долго не возвращается, человек теряет сознание, заболевает, а затем умирает. Чтобы удержать душу, на руке или плече больного делают татуировку в виде птицы – трясогузки, синицы, ласточки, сороки, кукушки. После смерти эта душа называется *ърт*.

Четвёртая, «сонная» душа – *ўлум ис* (*ўлм ўйе*) – представляется в виде птицы-глухарки. Она живёт в лесу и прилетает к человеку лишь на время сна. Спящего человека душа покидает и путешествует по миру, пока он находится в этом состоянии. Если душа вернулась, человек проснётся. Если же она покидает тело окончательно (её может похитить, например, дух болезни), то человек уже не проснётся, он умирает. Её долгое отсутствие приводит к бессоннице. На спинке колыбели изображали вместилище этой души – птицу сна (*ўлум ўй*), чтобы малыш хорошо спал.

Относительно пятой души В. Н. Чернецов говорит, что мужчина имеет две души-дыхания. Об этом же говорит Е. И. Ромбандеева – это, якобы, душа первой души, у неё нет конкретного названия. О первых четырёх душах, на материале сыгвинской группы манси, Е. И. Ромбандеева пишет следую-

щие: 1) *ўртэ* – душа, которая отправляется в тёплые края после смерти или до смерти человека; 2) *лаиц* – душа человека в образе птички, предвещающей смерть; 3) *ўлм ўйе* – душа в образе птицы, хранящей сон и здоровье человека при жизни; 4) *ўтыци* – душа, которая всегда с телом, даже после смерти человека. К ней ходят на поминки.

Живым манси считают тот объект, который обладает внутренней и внешней жизненностью (т. е. когда тело в полной сохранности). При отсутствии либо того, либо другого тело считается живым лишь частично (больным, сонным). Такая ситуация часто встречается в фольклорных текстах. Например, сказочный герой попадает в подземное царство, где на его пути встречаются некие многоголовые существа с человеческим обликом. Он садится играть с ними в карты, но главное условие его выживания – это случайно не заснуть, иначе они его съедят. Когда невыносимо хочется спать, герой, чтобы отвлечь своих противников от себя, отправляет их посчитать, сколько на Земле живых и мёртвых людей. По возвращении те существа между собой разговаривают: «На Земле живых людей мало, мёртвых много», т. к. больных и ущербных они причислили тоже к мёртвым. Другой раз он отправил их посчитать, сколько в лесу живых, растущих деревьев и сколько погибших, сухих. Оказалось, что живых деревьев мало, а сухих и не сосчитать, т. к. внутри многие прогнили, а от некоторых только пустые пеньки остались.

После смерти человека его тело готовили в последний путь – на кладбище. Чтобы он не обиделся и не смог унести с собой душу кого-нибудь из живущих, соблюдались определённые меры предосторожности, или ритуалы. У манси было принято делать после смерти человека – *иттырма* ‘кукла’. В прошлом сердцевину такой куклы делали из кусочка дерева, отрубленного от угла дома. Позднее её стали заменять монетой, взятой из священного ящика. *Иттырма* не считается священным предметом, а признаётся лишь как изображение умершего и хранится приблизительно столько времени, сколько лет жил на свете человек.

На кладбище умерший и отделившаяся от него душа продолжали жить. Считалось, что полное уничтожение тела и души

происходит только после сжигания тела или снятия скальпа. Но жизнь там протекает «наоборот».

Иной мир представляется как царство мрака, холода и сырости, где никогда не бывает солнца. Он отождествляется с севером, и там же на севере находятся низовья рек, где, по представлениям манси, располагается мир предков. Конец реки, устье (низовье) воспринимается как *ёлы* ‘низ’ и *лүйи ма̄* ‘холодная земля’, в мифах чаще упоминается как *лүйи вѳт* ‘холодного ветра [земля]’, потусторонний Нижний мир. Поэтому, согласно обычаю, мансийские кладбища расположены вниз по течению реки, а святилища – вверх по течению.

Одинаково осуждалось всё, что могло повлечь за собой неудовольствие сверхъестественных существ (духов и чьих-то душ), и человек лишался их расположения.

ЛИТЕРАТУРА

К лекции 1

1. Бардина, Р. К. Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII – начале XXI века / Р. К. Бардина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – [История изучения: С. 5–9].
2. Иванова, В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века) / В. С. Иванова. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – [История изучения: С. 14–27].
3. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., нем. яз.; сост., пред. и прим. Н. В. Лукиной. – М. : Наука : Главная редакция восточной литературы, 1990. – [История изучения: С. 28–31].
4. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. – М. : Наука, 2005. – [История изучения: С. 199–211].
5. Попова, С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси / С. А. Попова. – Томск : изд-во Том. ун-та, 2003. – [История изучения: С. 7–13].
6. Попова, С. А. Степень изученности мировоззрения манси (этнографический аспект) / С. А. Попова // Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры: Материалы Всероссийской научной конференции (19–22 мая 2008, г. Ханты-Мансийск). – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – С. 35–51.
7. Соколова, З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. / З. П. Соколова. – М. : Наука, 2009. – [История изучения: С. 35–59].
8. Фёдорова, Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси / Е. Г. Фёдорова. – СПб. : Европейский Дом, 2000. – [История изучения: С. 10–12].

К лекциям 2, 3

1. Алквист, А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / А. Алквист; пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. – Томск, 1999. – 179 с.
2. Бахрушин, С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках / С. В. Бахрушин. – Л. : изд-во Ин-та Народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. – 254 с.
3. Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008. – 472 с.
4. Васильев, Е. А. *Чэс-тый-яг* / Е. А. Васильев // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 3. Р – Я. – С. 321.
5. Васильев, Е. А. Раскопки поселения *Чэс-тый-яг* на приполярном Урале / Е. А. Васильев // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. – С. 296–301.
6. Васильев, Е. А. Сартынбинская культура / Е. А. Васильев // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 3. Р – Я. – С. 69.
7. Георги, И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов / И. Г. Георги. – СПб., 1776. – Ч. 1.
8. Головнёв, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – 606 с.
9. Гондатти, Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири / Н. Л. Гондатти. – М., 1888.
10. Жирных, Е. А. Археологические обследования в окрестностях п. Саранпауль / Е. А. Жирных // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. – С. 382–385.
11. Зыков, А. П. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2006. – Вып. 3. – С. 199.
12. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов. – Екатеринбург : Волот, 2000. – 466 с.

13. Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск : изд-во Том. ун-та, 1987. – 284 с.
14. Кондрашев, А. Н. Обследование состояния городища Няк-символь I в Берёзовском районе / А. Н. Кондрашев // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2002. – Вып. 1. – С. 244–249.
15. Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 431 с.
16. Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена / Г. Ф. Миллер. – М. : Либерея, 1998. Кн. 1. – 370 с.
17. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. – М. : Наука, 2005. – 805 с. – (Народы и культуры).
18. Новицкий, Г. Краткое описание о народе остячком, сочинённое Григорием Новицким в 1715 году / Г. Новицкий. – СПб., 1884; Новосибирск, 1941.
19. Очерки истории Коды. – Екатеринбург : Волот, 1995. – 192 с.
20. Очерки истории Югры. – Екатеринбург: Волот, 2000. – 408 с.
21. Соколова, З. П. Страна Югория / З. П. Соколова. – М., 1976.
22. Соколова, З. П. К происхождению современных манси / З. П. Соколова // Советская этнография. – 1979. – № 6. – С. 46–58.
23. Соколова, З. П. Путешествие в Югру / З. П. Соколова. – М. : Мысль, 1982. – 175 с.
24. Соколова, З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. / З. П. Соколова. – М. : Наука, 2009. – 756 с.
25. Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского государства / П. С. Паллас. – СПб., 1786. – Ч. 2.
26. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : Северный дом», 1993. – 208 с.
27. Зыков, А. П. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров, Л. М. Терехова, Н. В. Фёдорова. – Екатеринбург, 1994. – 158 с.
28. Фёдорова, Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: про-

- блемы формирования культуры хантов и манси / Е. Г. Фёдорова. – СПб. : Европейский дом, 2000 – 367 с.
29. Чернецов, В. Н. Наскальные изображения Урала: автореф. дис. ... д.и.н. – М., 1970.
30. Чернецов, В. Н. Наскальные изображения уральского ареала / В. Н. Чернецов // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

К лекции 4

1. Бардина, Р. К. Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII – начале XXI века / Р. К. Бардина. – Новосибирск : изд-во СО РАН, 2009. – 150 с.
2. Бардина, Р. К. Материалы по этносоциальной истории обских и нижнесосьвинских манси в XX – начале XXI века/ Р. К. Бардина. – Новосибирск : изд-во СО РАН, 2010. – 175 с.
3. Головнёв, А. В. Угры в этногенезе Евразии / А. В. Головнев // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (12–16 декабря, 1999 г., Тобольск). – Тобольск; Омск : ОмГПУ, 1999. – С. 22–24.
4. Жеребцов, Л. Н. Расселение коми в XV–XIX вв. / Л. Н. Жеребцов. – Сыктывкар, 1972.
5. Жеребцов, Л. Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финноуграми и самодийцами / Л. Н. Жеребцов // Серия препринтов «Научные доклады». – Сыктывкар, 1974. – Вып. 14. – С. 3–44.
6. Коми эпическая поэзия: сборник / вступ. ст., сост. и примеч. А. К. Микушева. – Л. : Сов. Писатель, 1991. – 368 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
7. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М., 1970. – 132 с.
8. Матвеев, А. К. Неройки караулят Урал: путешествие в топонимию / А. К. Матвеев. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. – 216 с.
9. Матвеев, А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар / А. К. Матвеев. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. – 272 с.
10. Ожегова, М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и

- Пере-Богатыре / М. Н. Ожегова. – Пермь, 1971. – 132 с.
11. Очерки истории Югры. – Екатеринбург : Волот, 2000. – 408 с.
 12. Очерки истории Коды. – Екатеринбург : Волот, 1995. – 192 с.
 13. Повод, Н. А. Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.) / Н. А. Повод. – Новосибирск : Наука, 2006. – 272 с.
 14. Попова, С. А. Вопросы генезиса соприкосновений и взаимоотношений коми и манси этносов / С. А. Попова // Меншиковские чтения – 2007 : сборник статей. – Берёзово, 2008. – С. 44–49.
 15. Слинкина, Т. Д. Мансийские оронимы Урала / Т. Д. Слинкина. – Ханты-Мансийск : ОАО Изд. дом «Новости Югры», 2011. – 480 с.
 16. Фёдорова, Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси / Е. Г. Фёдорова. – СПб., 1994. – 288 с.
 17. Фёдорова, Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси / Е. Г. Фёдорова. – СПб. : ООО «Европейский дом», 2000. – 367 с.

К лекциям 5, 6, 7

1. Гемуев, И. Н. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.) / И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. – Новосибирск : Наука, 1986. – 192 с.
2. Гемуев, И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос / И. Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1990. – 232 с.
3. Гемуев, И. Н. Святилища манси верховьев Северной Соссы / И. Н. Гемуев, А. В. Бауло. – Новосибирск : изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240.
4. Гемуев, И. Н. Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов / И. Н. Гемуев, А. В. Бауло. – Новосибирск, 2001. – 160 с.
5. Голоса древних культур / ред.-сост.: Е. Главацкая, Е. Вершинин, И. Захарова. – Екатеринбург : Баско, 2008. – 128 с.
6. Иванова, В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века) / В. С. Иванова. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – 282 с.
7. Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск : изд-во Том. ун-та, 1987. – 284 с.

8. Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов / К. Ф. Карьялайнен; пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. – Томск : изд-во Том. ун-та, 1994. – Т. 1. – 152 с.; 1995, Т.2. – 284 с.; 1996, Т. 3. – 362 с.
9. Мифологическое время : Альбом-каталог. – М. : Эпифания, 2003. – 215 с.
10. Мифология манси. – Новосибирск : изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 196 с. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. II).
11. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., нем. яз.; сост., пред. и прим. Н. В. Лукиной. – М. : Наука; глав. ред. восточной литературы, 1990. – 568 с.
12. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. – Новосибирск : Наука, 2005. – 475 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 26).
13. Новикова, Н. И. Религиозные представления манси о мире / Н. И. Новикова // Духовная культура народов Сибири. – Томск, 1980. – С. 95–104.
14. Новикова, Н. И. Картина мира манси и христианство / Н. И. Новикова // Сибирские чтения. – СПб., 1992. – С. 34–36.
15. Новикова, Н. И.. Традиционные праздники манси / Н. И. Новикова. – М., 1995. – 222 с.
16. Носилов, К. Д. У вогулов. Очерки и наброски / К. Д. Носилов. – Тюмень : СофтДизайн, 1997 – 304 с. (Невидимые времена).
17. Петрухин, В. Я. Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. – М. : ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 464 с. (Мифы народов мира).
18. Попова, С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси / С. А. Попова. – Томск : изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
19. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : Северный дом, 1993. – 208 с.
20. Соколова, З. П. О культе предков у хантов и манси / З. П. Соколова // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 58–72.
21. Соколова, З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. / З. П. Соколова. – М. : Наука, 2009. – 756 с.

22. *Тăт ос Сакв мăхум потраныл-мăйтаныл*. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 1. *Сăлы урнэ дйка мăйтыт*. Сказки оленевода / пер. с манс., сост., пред., прим. С. А. Поповой. – Томск : изд-во Том. ун-та, 2001. – 104 с. (на мансийском и русском языках).
23. *Тăт ос Сакв мăхум потраныл-мăйтаныл*. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 2. *Вораян мăхум мăйтыт*. Сказки охотников / сост. С. А. Попова, С. М. Ромбандеева; пер., пред., прим. С. А. Поповой. – Ханты-Мансийск, 2010. – 96 с. (на мансийском и русском языках).
24. Фёдорова, Е. Г. Река-дорога (по материалам археологии, этнографии и фольклора обских угров) / Е. Г. Фёдорова // Природа и цивилизация: Реки и культуры: Международная конференция. – СПб., 1997. – С. 149–153.
25. Фёдорова, Е. Г. Религиозные представления и этногенез (по материалам обских угров) / Е. Г. Фёдорова // Этнос. Ландшафт. Культура: Международная конференция. – СПб., 1999. – С. 176–184.
26. Хэкель, Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / Й. Хэкель; пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. – Томск, 2001. – 108 с.
27. Чернецов, В. Н. К истории родового строя у обских угров / В. Н. Чернецов // Советская этнография. – М.; Л., 1947. – № 6–7. – С. 158–185.
28. Чернецов, В. Н. Представления о душе у обских угров / В. Н. Чернецов // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. – М., 1959. – Т. 51. – С. 114–156.

Карта языкового дробления обско-угорских народов

1. Головнёв, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – С. 79.

Научное издание

Попова Светлана Алексеевна

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА
МИРА МАНСИ**

Оригинал-макет подготовлен ООО Издательство Юграфика

Редактирование, корректура Л. Ю. Шелухина
Вёрстка И. С. Семенов

Подписано в печать 12.12.2013
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 5. Тираж 250 экз. Заказ № 63.

Отпечатано в типографии Издательства Юграфика.
628012, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Ханты-Мансийск, ул. Крупской, 26